

18+

Андрей Мигулин

ТЕ, КОГО МЫ ЛЮБИМ, НЕ УМИРАЮТ

том II

Андрей Мигулин

**Те, кого мы любим,
не умирают. Том II**

«Издательские решения»

Мигулин А.

Те, кого мы любим, не умирают. Том II / А. Мигулин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569040-1

События романа переносят читателя во время Первой мировой войны, когда Российская империя и Франция были союзниками, и кровь русских солдат проливалась на территории чужой страны в составе Особых русских бригад. Главные герои — 23-летний подпоручик Арнатский и юная красавица Серафима. Смогут ли они без потерь преодолеть все тяготы войны и последовавшей за ней Октябрьской революции? Удастся ли им отвоевать себе счастье...?

ISBN 978-5-00-569040-1

© Мигулин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 14.	6
Глава 15.	24
Глава 16.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Те, кого мы любим, не умирают Том II

Андрей Мигулин

Иллюстратор Елена Ковтун

Фотограф Вера Мясникова

© Андрей Мигулин, 2022

© Елена Ковтун, иллюстрации, 2022

© Вера Мясникова, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0056-9040-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0056-9038-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 14.

«Владислав»

«Франция»

«Марсель – Майли – Оберив»

«Лятуш – Тревиль» сделал три длинных гудка, пришвартовываясь к причалу Марселя. Окрестности порта были усыпаны ярко одетой публикой, которая пришла поприветствовать прибывших русских солдат с букетами цветов. У причала стоял почётный караул, эскадрон гусар, генерал-губернатор Марселя, российский военный атташе и другие официальные лица. Как только на причал были скинуты мостки, по ним стал спускаться генерал-лейтенант Луховицкий в парадном мундире, оркестр французского почётного караула заиграл гимн Российской империи. С корабля «Сантай» в ответ прозвучала «Марсельеза», исполненная бригадным оркестром. После чего над рейдом Марселя пронеслось троекратное русское «Ура».

Началась выгрузка. Каждый солдат, спускаясь на причал, получал французскую магазинную винтовку «Лебель», правда, пока без патронов. Было решено отправлять подразделения поротно по мере готовности. Но движение должна была начать первая рота, во главе которой должен был идти старший унтер-офицер Сабанеев, куда он был переведён приказом командира полка. Рота построилась, Сабанеев развернул флаг, штабс-капитан Шалтурин, одетый по случаю, как и все офицеры, в парадную форму, скомандовал:

– Пеееервая ротаааа! На плечо! – раскатисто прозвучал его голос. Солдаты вскинули винтовки на левое плечо. Раздались аплодисменты.

– Почему они хлопают? – удивлённо спросил у Нехлюдова Владислав.

– Наверное, потому что французы носят винтовки на правом плече, – подмигнул ему в ответ поручик.

Шалтурин тем временем продолжал командовать:

– Рота! С места! С песней! Шагом, арш!!!

Чётко с левой ноги – сказались долгие занятия по шагистике – рота шагнула в неизвестность, на третьем шаге ротный запевала пропел:

– Было дело под Полтавой, дело славное, друзья! – и следом разом подхватила вся рота:

– Мы дрались тогда со шведом, под знамёнами Петра...

Публика взревела от восторга, в сторону русских солдат полетели букеты цветов с криками «Vive la Russie!» («Да здравствует Россия!»). Колонна вышла в город. Казалось, на улицы города вышли все марсельцы, они ликовали, приветствуя наших солдат. Неожиданно молодая француженка выскочила из толпы, вручила Владиславу большой букет полевых цветов, с чувством целуя его в губы. Юноша слегка ошалел от неожиданности, на что Глазком непременно пошутил:

– Ему кричали девушки «Ура!» и в воздух чепчики бросали!

Но в это время ещё несколько девушек последовали примеру юной мадемуазели, не успев закончить свою фразу Глазков, как другая восторженная француженка сочно поцеловала и его прямо в губы. Публика аплодировала. Глядя на удивлённое лицо своего товарища, Арнатский весело рассмеялся.

До временного лагеря «Мирабо», что расположился в большом городском саду, было около семи километров, и на всём протяжении пути их приветствовали жители города. За последний год войны положение Франции настолько ухудшилось, что французы уже готовились к неизбежной оккупации. Войска были подавлены и растеряны. А появление русских войск, рослых, отлично обмундированных, уверенных в себе, внушали людям надежду на улучшение ситуации. Поэтому и звучало то там, то тут:

– Ils nous sauveront (*они нас спасут*).

Когда наконец-то добрались до временного лагеря, то все порядком подустали, сказывалась отвычка ходить за время морского перехода. Для солдат были установлены большие палатки, внутри которых находились складные деревянные лежаки с тюфяками, набитыми соломой, подушками и комплектами постельного белья. Не успели солдаты поставить винтовки в козлы, как среди палаток появились французские солдаты, что стояли лагерем неподалёку, они принялись угощать русских вином, сыром, сладостями. Толпа, что сопровождала наши колонны, преимущественно женщины, никуда не ушла, а расположилась вдоль каменной ограды, что окружала сад. Они весело кричали, бросали через ограду цветы, передавали корзины с вином и фруктами, приглашая солдат перелезть к ним. Но всем солдатам под страхом сурового наказания строго-настрого было запрещено покидать территорию лагеря.

Для проживания офицеров бригады была отведена целая гостиница, что находилась буквально в ста метрах от сада. Но эти сто метров были преодолены с трудом. Восторженные женщины и мужчины окружили идущих офицеров. Радостные возгласы, объятия, поцелуи, рукопожатия, вручение цветов и подарков – всё это тормозило продвижение к месту отдыха. Наконец не выдержав, Владислав по-французски обратился к толпе горожан:

– Уважаемые дамы и господа, особенно дамы, – и он склонился в полупоклоне – Мы очень признательны вам за такую тёплую встречу! Но наша поездка немного нас измотала, и поэтому мы просим у вас позволения пройти в гостиницу для отдыха. Уверяю вас, что через некоторое время мы обязательно посетим ваш лучший ресторан, где вместе с вами отметим наш приезд! Вива ля франс!!! (*Да здравствует Франция!*)

Публика вновь взорвалась аплодисментами, расступаясь перед офицерами, образуя живой коридор до самых дверей гостиницы. У входа в гостиницу Арнатский вдруг увидел ту самую девушку, что поцеловала его. Когда он поравнялся с ней, она мило улыбнулась, протянув ему сложенный вчетверо листок, вырванный из записной книжки. Стараясь не показать

своего удивления, юноша взял записку. Этот момент не ускользнул от Глазкова, и когда они вошли в отведённый им номер, то Андрей, сгорая от нетерпения, сказал:

– Да вы, милейший Владислав Семёнович, оказывается, женских сердец покоритель. Харбин, Цейлон, а теперь Марсель. Начинаю вам завидовать белой завистью. Ну что там вам написала юная и пылкая мадемуазель, я в нетерпении.

Владислав развернул записку и прочитал вслух:

– Уважаемый месье, к сожалению, не знаю вашего имени. Меня зовут Аделин. Приходите в 9 вечера в ресторан La Table du Fort (Стол в Форте) вместе со своим другом. Мы вас будем ждать вместе с моей подругой Аполлин.

– О, Франция! – вскричал Глазков, выхватывая из рук Владислава записку. – Я уже влюблён в тебя, – и, поднеся к носу листок, втянул воздух ноздрями: – О, какой божественный запах духов. Надеюсь, что Аполлин будет пахнуть не хуже.

– Я правильно понял, Андрей Антонович, нас приглашают на свидание девушки?! – спросил Владислав.

– Не может быть, Владислав Семёнович! Неужели вы об этом сами догадались?! – с ёрничал Глазков. – Вас что, никогда не приглашали девушки на свидание?

– Почему, приглашали, – парировал Арнатский. – Серафима. Но теперь мне кажется, что это было во сне.

– Вот и отлично. Значит, опыт есть. А теперь надо принять, наконец, ванную и отдохнуть перед сегодняшним вечером.

– Андрей Антонович, а у вас есть деньги? Я поиздержался в поездке. Чем-то же надо будет платить в ресторане.

– Не переживайте, Арнатский. Через пару часов в гостиницу прибудет казначей, который выдаст нам жалованье за всё время морского пути. Мы с вами станем сказочно богаты! Подпоручикам, то есть нам с вами, полагается по 804 франка в месяц, это по нынешнему курсу 396 рублей русскими. Каково против 80 рублей в России?! Я же говорю, мы миллионеры.

– Вот и отлично, – обрадовался Владислав, – значит, жалованье за один месяц я спокойно могу отправить маменьке на её содержание.

– Дело ваше, Владислав Семёнович. А теперь мыться, бриться и отдыхать. Уступаю вам право принять ванную первым, так как записку получили вы, а не я.

В течение двух часов, пока не прибыл казначей, товарищи успели принять ванную, привести себя в порядок. Во время выдачи жалованья адъютант полковника Нечволодова, прапорщик Янушевский, объявил, что офицеры полка приглашаются командиром в ресторан «Старый квартал». В 18:00 будет подан транспорт к гостинице, который доставит всех на место.

– Что будем делать? – спросил Арнатский своего товарища.

– Не переживай. Мы посидим вместе со всеми в ресторане, а потом по-английски испаримся. Думаю, что к половине девятого многие уже будут сильно подшофе и не заметят нашего отсутствия. Или вы подумали, что я променяю романтическую встречу на офицерскую попойку?!

– Отнюдь. Даже и в мыслях не было, – улыбнулся в ответ Владислав.

Ровно в назначенное время было подано три специализированных двухэтажных авто-транспорта (автобусов) для перевозки людей. Такие машины Арнатский видел впервые. Забрав всех желающих, автобусы в течение 30 минут доставили и выгрузили офицеров у означенного ресторана.

Зал постепенно наполнялся. Сдержанный гул голосов. Каждый безошибочно угадывает своё место за столом, так как «табель о рангах» соблюдается строго. На концах стола, где обычно сидит молодёжь, слышны смех и шутки. Все ждут прибытия командира полка. Вот, наконец, в зал входит полковник Нечволодов. Все встают, приветствуя его. Командир занимает место во главе стола, поднимает бокал. Первый тост традиционный:

– За Державного Вождя Русской Армии! – И прежде чем выпить, офицеры дружно, с воодушевлением произносят: «Ура! Ура!! Ураааа!!!» Теперь можно приступать к закускам, но это продолжается совсем недолго. Буквально через три минуты вновь поднимается командир и произносит второй обязательный тост:

– За наш полк, господа!!!

И вновь троекратное ура, но уже с большим энтузиазмом. Крик вырывается далеко за пределы ресторана. На шум в ресторан зашли два ажана (полицейские), подошли к метрдотелю, переговорили. Тот подошёл к полковнику и что-то прошептал ему на ухо. В зале наступила тишина, все с любопытством посмотрели на командира. Тот внимательно выслушал метрдотеля, потом оглянулся на ажанов и громко сказал:

– Французы должны знать, как умеют гулять русские офицеры! Поэтому впредь пусть ваши полицейские не подходят к нам с подобными глупостями!

Эти слова были встречены громкими аплодисментами. Растерявшиеся от такого нахальства, полицейские поспешили ретироваться. Тем временем метрдотель взмахнул рукой, и как по мановению волшебной палочки оркестр грянул «Канкан»¹. На небольшую сцену выскочило семь ярко одетых девиц с высокими перьями на головах. Задирая высоко ноги в такт музыки, они принялись лихо отплясывать. Их появление было встречено весёлыми возгласами и протяжным фривольным² свистом. Пирушка набирала обороты.

Отдав должное своим боевым товарищам, в 20:30 молодые люди вышли на улицу. Как и предполагал Глазков, их уход остался незамеченным.

– Послушай, Андрей Антонович, как мы доберёмся до этого ресторана?! Вы знаете, Марсель? Я, например, нет! – сказал слегка захмелевший Арнатский.

– Не переживайте, голубчик, всё очень просто. Вон стоит фиакр³. Сейчас мы сядем в него, назовём адрес, и он нас доставит прямо к месту.

Они так и сделали. Улыбающийся кучер ответил:

– Да, месье, я знаю, где находится этот ресторан. Это улица Каннебьер, центр города. Садитесь, месье, через 10 минут мы будем на месте, – и, подождав, когда офицеры усядутся, покатил по улицам Марселя. Спустя несколько минут они выехали на центральную улицу города, что брала своё начало от морского порта.

– О! Да мы шли по этой улице сегодня, – воскликнул Глазков.

– Точно, а вот здесь тебя поцеловала девушка, надеюсь, что это была Аполлин, – улыбнулся в ответ Владислав.

– Я тоже надеюсь, – отозвался Глазков, – у меня ощущение, что след её поцелуя до сих пор хранят мои губы.

– О! Да вы романтик, оказывается, Андрей Антонович, не знал, – ответил Арнатский, внимательно оглядываясь кругом.

Здесь, в самом центре города, уже пахло морем. Бесчисленные корзины из ивняка, стоявшие вдоль домов, были наполнены ракушками самых разнообразных местных названий. Как выяснилось позже, их подавали на закуску тут же, в потемневших от времени крохотных ресторанчиках, где ели горячий буйабес⁴ и прочие чудеса марсельской кухни, рекомендуемые любителям рыбы и чеснока. Он обернулся, позади них над городом высилась гора с высоким собором.

¹ Канкан (фр. «шум; скандал») – энергичный и откровенный французский танец. Несмотря на то, что впоследствии этот канкан набрал большую популярность, сами французы танец по достоинству не оценили, поскольку для своего времени он считался вопиюще неприличным.

² ФРИВОЛЬНЫЙ (франц.) – не вполне пристойный, легкомысленный, нескромный

³ Фиакр – наёмный четырёхместный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси.

⁴ Буйабес – знаменитая марсельская уха, что готовится из пяти видов рыбы.

– Форейтор, – обратился он к кучеру, – а что за собор стоит на горе?!

– Это собор Святой Марии, покровительницы моряков, – отвечал возница, слегка повернув голову.

– Хорошо, а что тогда впереди такое разноцветное?!

– Это квартал базаров и публичных домов, месье. Эти дома, конечно, позор Франции, но очень нравятся иностранцам и морякам. Религиозность и проституция уживаются друг с другом почему-то особенно хорошо во французских портовых городах. Если месье желает, то я могу отвезти вас туда.

– О, нет-нет, не стоит. У нас уже назначено свидание в ресторане, – весело отвечал Владислав.

– Мы прибыли на место, месье, – сказал кучер, останавливаясь возле небольшого ресторанчика с большими витражными окнами и небольшой терраской.

Выйдя из экипажа, подпоручик протянул деньги вознице. Тот приподнял свою шляпу-котелок и произнёс:

– Не обижайтесь, месье! Но я не могу взять с вас деньги. Вы приехали как защитник моего отечества, и было бы позором брать с вас плату за такую ничтожную услугу, которая не сравнится с той, которую вы оказываете моей стране.

В благодарность за сказанное офицеры ответили ему воинским приветствием. Не успели они подойти к ресторану, как из него вышел улыбающийся метрдотель:

– Спасибо, что почтили вашим вниманием наш скромный ресторан, месье, – рассыпался в комплиментах француз. – Чем могу служить?!

– У нас здесь назначена встреча! – отвечал ему Владислав.

– Отлично, – ещё шире улыбнулся мужчина, – если у вас встреча с Аделин, то для вас заказан столик вон там, в глубине террасы. Мадемуазель пока нет, но вы можете её подождать. Могу я вам предложить по бокалу отличного вина за счёт заведения?!

– Спасибо, мы не откажемся, – отвечал юноша, проходя к указанному столику.

Не успели они устроиться за сервированным на четыре персоны столиком, как к ним уже подлетел официант, на подносе которого стояла бутылка красного вина. Он налил вина на доннышко бокала, предлагая попробовать. Владислав отпил, вино ему понравилось, он поблагодарил официанта кивком головы. Тот, разлив вино по бокалам, удалился, оставив бутылку на столе. Едва офицеры выпили по глотку, как перед ними на мостовой появились местные уличные артисты, скрипач и певица. Под аккомпанемент скрипки девушка запела провансальскую народную песню. Её голос был так чист и свеж, что молодые люди невольно заслушались. Отзвучала песня. Владислав полез в карман, достал пачку франковых банкнот и, подумав, спросил у Глазкова:

– Как вы думаете, сколько им нужно дать?

Но тот не успел ответить, потому что девичий голос произнёс за их спинами:

– Если вы говорите насчёт оплаты, то дайте им 5 франков, они с благодарностью исполнят вам ещё пару песен!

Офицеры, услышав женский голос, как истинные кавалеры тут же встали со своих кресел, обернулись. Рядом с их столиком стояли две красивые девушки в нарядах, стилизованных под морскую форму. Ярко-синие платья длиной по щиколотку выставляли напоказ нарочито грубые ботинки чёрного цвета. Полы их жакетов были расшиты золотыми позументами, а воротники и обшлага рукавов – золотой каймой. На плечах было по одному витому погончику, с которого свисал золотой аксельбант, у одной девушки на правом, у другой на левом плече. На головах такого же цвета каскетки⁵ также были оторочены золотой каймой. И, что

⁵ Каскетка – головной убор, предназначенный для защиты головы от механических повреждений, но в отличие от каски она имеет меньшую прочность и не обеспечивает столь высокую степень защиты.

самое поразительное, эти девушки были фантастически похожи друг на друга. Нежный овал лица, лёгкий девичий румянец, под губками бантиком скрывались белоснежные зубки, чуть вздёрнутые носики, большие карие глаза с пушистыми ресничками, брови вразлёт и красивые каштановые волосы, ниспадавшие на их плечи. Они были так разительно похожи на Серафиму, только совсем юную, 14-летнюю, он видел её такую на фото у неё дома, что Владислав даже зажмурился на мгновение. Но, взяв себя в руки, произнёс:

– Благодарю вас, мадемуазель, – и, уже обращаясь к официанту, что стоял чуть поодаль: – Гарсон, будьте любезны передать деньги артистам.

Официант, забрав предложенную купюру, спустился на мостовую, передал деньги. Артистка, увидев номинал купюры, расплылась в благодарной улыбке, делая реверанс в сторону террасы. Потом что-то сказала музыканту, тот кивнул головой, прикладывая скрипку к плечу. Полилась нежная мелодия, и вновь нежный голос уличной певички взлетел над улицей. Но молодым людям было уже не до её пения.

– Позвольте представиться, – Арнатский щёлкнул каблуками, приветствуя кивком головы, девушек, – подпоручик Арнатский Владислав Семёнович. Можно просто – Ладислас. А это мой друг, подпоручик Глазков Андрей Антонович, можно просто – Андрэ.

– У вас хороший французский, Ладислас, – сказала девушка с погончиком на правом плече. – Я Аделин, а это моя сестра Аполлин.

– По вам можно догадаться. Вы похожи как две капли воды, только погоны на ваших восхитительных плечах могут внести хоть какую-то ясность.

– Браво Ладислас, мало того, что вы красивы, так вы ещё и наблюдательны. Это важное качество для мужчины. Вы позволите нам сесть?

Мужчины усадили девушек, сели сами.

– А что же ваш друг молчит? – обратилась, улыбаясь, к Владиславу Аполлин. – Он что, немой или не знает французского языка?

– Нет, что вы, – наконец вступил в разговор Глазков, – просто мой язык не так хорош, как у Владислава, но я надеюсь, что не испорчу нашу беседу своим, порой неверным, произношением.

Тем временем официант подкатил тележку с готовыми блюдами, начав выставлять их на стол.

– Подождите, любезный, мы же ещё ничего не заказывали, – попытался было возразить Глазков. Но Аполлин его перебила, взяв за руку.

– Андрэ, вы наши гости, позвольте нам вас угостить. Доверьтесь нашему выбору.

– С удовольствием отдаюсь в ваши прелестные ручки, – ответил Глазков, нежно целуя её запястье.

– И чем же вы нас, кроме прилюдных поцелуев, будете удивлять?! – обратился к Аделин Владислав.

– Вам должно понравиться. Сначала мы съедим салат «Нисуаз» из свежих овощей, варёных яиц, анчоусов и оливкового масла. Следом, естественно, наш самый лучший суп «Буйабес», а на второе «Алиго», блюдо из сыра, смешанного с картофельным пюре. И на десерт профитроли, пирожные из заварного теста с заварным кремом, – и, посмотрев хитро на юношу, добавила: – А что касается наших поцелуев, так мы с сестрой суффражистки. И сами выбираем, кого и где целовать.

– Суффражистки? Я знаком с этим движением, – отвечал Владислав, – в России оно набирает популярность.

– Арнатский, а кто такие суффражистки? – спросил по-русски Глазков.

– Сложно однозначно объяснить. Но в нашем случае это женщины или девушки, которые сами выбирают себе партнёров.

– О, меня это на сегодня устраивает, – улыбнулся в ответ Глазков.

- О чём спросил ваш друг? – поинтересовалась девушка.
- Он сказал, что ему всё нравится, – слукавил Владислав.

Ужин затянулся далеко за полночь. Молодые люди, как давнишние друзья, мило беседовали, шутили, обменивались любезностями, флиртовали. В общем, вели себя так, как будто они знакомы вечность. Когда было принято решение об окончании застолья, Глазков подозвал официанта с намерением оплатить счёт, но девушки, минуту назад милые и обаятельные, стали вдруг непреклонно строги:

– Мы не позволяем вам оплатить этот счёт. Мы вас пригласили, значит, заплатим сами, – тоном, не терпящим возражения, объявила Аполлин.

– Но помилуйте, мадемуазель, этим вы оскорбляете наше мужское достоинство и офицерскую честь. Мы же не альфонсы какие-то и не содержанты на попечении богатой особы.

– Ах, эти мужчины, носятся со своим достоинством как с писаной торбой, не знают, куда его ещё засунуть! Неужели вы не понимаете, что мы с вами в равных правах и равных условиях. Поэтому вы не вправе нам указывать, что делать, – поддержала свою сестру Аделин с нотками раздражения в голосе.

Глазков пытался возразить, но Арнатский остановил его жестом руки:

– Милые мои сестры, у нас был такой прекрасный вечер, давайте не будем его портить такой мелочностью. Мы поступим благоразумнее. Если вы так ратуете за свою самостоятельность, то предложение такое: платим пополам от счёта. Договорились?!

Сестры переглянулись, кивнули друг другу: «Согласны». Расплатившись, молодые люди вышли на улицу. Город в честь прибытия русских войск был разукрашен цветными электрогирляндами, что мерцающим свечением придавали ночным улицам налёт романтизма. Аделин взяла под руку Владислава, и они молча пошли вдоль улицы. Спустя некоторое время она потянула его свернуть в проулок. Юноша подчинился. Проулок оказался тупиковым. Остановившись возле уютного домика, спрятавшегося в зелени плюща, что густо покрывал его стены и крышу, юноша обернулся, Глазкова и Аполлин не было видно:

– Они отстали? – спросил он.

– Нет. Они прошли дальше. Мы с Аполлин живём на разных квартирах, – отвечала девушка, заглядывая ему в глаза. – Владислав, а ты не хочешь зайти ко мне в гости? Я живу совсем одна.

Подпоручик задумчиво молчал.

– У тебя есть девушка?

– Да, есть. И ты даже чем-то её мне напоминаешь.

– Тогда, думаю, твоя девушка не обидится, если я от её имени дам тебе немного тепла?! – сказала Аделин, беря его за руку. – Если бы она была рядом, то поступила бы точно так же. Тебя впереди ждёт неизвестность, так позволь мне любить тебя сегодня.

С этими слова она увлекла его за собой в дом. Не зажигая света, провела в комнату, где, освободившись от одежды, принялась ласкать его нежно и неистово одновременно. А Владиславу казалось, что это Серафима ласкает его, придя к нему из снов, что обуревали его последнее время...

За окном пропели петухи. Владислав открыл глаза. Аделин, свернувшись уютным калачиком, мирно спала. Стараясь не шуметь, он встал, оделся, вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. «Улица Барбару, дом 15» – прочёл он табличку на стене дома. Ему хотелось остаться рядом с ней, но долг повелевал прибыть в распоряжение части. Сегодня состоится парад, который будет принимать генерал-губернатор Марсея. Поэтому всем офицерам было настрого приказано быть к 9:00 в полку, где бы они ни находились и что бы они ни делали. Часы показывали четверть восьмого, ему должно было вполне хватить времени, чтобы вернуться и привести себя в подарок. Проходя мимо уже открывшегося цветочного магазина, он остановился, зашёл вовнутрь. Его встретил улыбкой пожилой продавец вопросом:

- Месье желает купить цветы для девушки?
- Нет. Месье желает отправить цветы девушке. Это возможно?!
- Конечно, месье, мы доставим цветы в любую часть города.
- Хорошо. Тогда дом номер 15, улица Барбару. Доставьте вот эти розы! Цветы перевяжите лентой с российским триколором. Найдётся такая?
- Конечно найдётся, – заверил продавец, – но месье не сказал, сколько цветов надо доставить.
- Разве я не сказал? – удивился Арнатский. – Все, что есть в этом ведре.
- Это, конечно, щедрый подарок, но это дорого.
- Сколько?
- Здесь сто роз, значит, 50 франков!
- Хорошо, – согласился Владислав, доставая и протягивая деньги цветочнику. Затем вытащил одну розу из букета, сказал: – А эту заберу с собой, у нас не принято дарить чётное число.

Ровно в девять часов утра полк двинулся на главную площадь Марселя. Путь был не близок, что-то около семи километров. Отдохнувшие солдаты были бодры, что не скажешь о некоторых офицерах, которые не смогли удержаться вчерашним вечером и выпили немного больше, чем смогли переварить. Прапорщик Фёдоров оказался в их числе, глядя на его мучения, многоопытный Шалтурин незаметно спровадил его из строя, отправив обратно в гостиницу.

И на этот раз полк сопровождала большая толпа марсельцев, всячески выражающих свои симпатии русским. Женщины цветами украсили солдатские винтовки, вставляли цветы даже в стволы винтовок, некоторые брали солдат под руку, а ружья несли сами, держа на плече прикладом вверх. Владислава тоже подхватила под руку пикантная особа, а он искал глазами в толпе Аделин, ему всё казалось, что она рядом. Весь город был убран флагами и гирляндами цветов. Мостовая, по которой шли войска, была усыпана полевыми цветами. Щелкали фотоаппаратами фотографы, кинооператоры беспрестанно накручивали ручки аппаратов, некоторые снимали на ходу, высунувшись по пояс из окон автомобилей. Не доходя квартал до главной площади, полки остановились. Публика, покинув солдатские ряды, встала на тротуары. Прозвучала команда:

– К торжественному маршу! Поротно! Равнение направо! С места шагом арш!!!

Ротные командиры начали счёт: «Ать, Ать, Ать, два, три, ать, два, три!» Французский военный оркестр заиграл марш. Полк старался идти молодецкато, солдаты и офицеры вытягивали носки сапог, крепче ударяя подошвой по ровной асфальтовой мостовой в едином ритме. Впереди полка шёл с развёрнутым знаменем Сабанеев, удививший и французов своим громадным ростом. За ним шёл рядовой Криволапов, ведя на цепи живой талисман бригады, бурого медведя Мишку. Генерал-губернатор Марселя, стоявший с большой свитой военных и штатских на трибуне, приветствовал русских солдат. Не останавливаясь, солдаты в ответ прокричали трижды «Ура», этот крик подхватили горожане, провожая проходящие батальоны. По дороге обратно полк сделал остановку возле какого-то предприятия. Там стояли столы с обильной закуской и большим количеством бутылок. Сотни женщин, одетых в белые халаты, стояли около столов с подносами в руках, на которых стояли бокалы с вином, какао, кофе, прохладительные напитки и закуски. Как выяснилось позже, угощение приготовили рабочие на свои средства. Представитель завода поздравил с благополучным завершением дальнего трудного пути и пожелал благополучно вернуться на родину по окончании войны. После угощения хозяева дружески попрощались со своими гостями. Каждый рабочий старался пожать руку тому или иному солдату и на прощанье сунуть ему в карман бутылку вина или что-нибудь из закусок. Такое неподдельное сердечное отношение не могло не тронуть души наших солдат

и офицеров. Это воодушевляло их, снимая вопрос о нужности данной экспедиции, который они задавали себе очень часто.

После прибытия в место расположения офицерам были вольны распоряжаться своим свободным временем. А все желающие по приглашению командира полка могли опять собраться вечером в ресторане. Владислав же хотел только одного – встретиться с Аделин. Поэтому, наняв фиакр, он отправился по известному ему адресу. Но, к его великому сожалению, дом был пуст. Как сильно бы он ни барабанил в дверь, ему никто не открыл. В расстроенных чувствах он решил прогуляться по городу. Арнатский бездумно шагал по улицам, отвечая на приветствия незнакомых ему людей, рассматривал витрины магазинов. Его привлекла вывеска оружейного магазина, куда ради любопытства решил заглянуть. Владелец магазина, буржуа средних лет, приветливо встретил офицера и, дав ему осмотреться сказал:

– Могу ли я предложить месье офицеру новинку нашего магазина?! Мы недавно получили ее из Бельгии.

– И что это за новинка? – заинтересовался Владислав.

– Наверняка у месье есть его штатное оружие, и, не сомневаюсь, оно великолепно.

– Да, есть. У меня американский «Кольт». Мне выдали его по окончании училища.

– О!!! – воскликнул оружейник. – Ваше правительство снабдило вас великолепным оружием! Если бы у вас не было такого пистолета, я бы предложил его вам обязательно. А мне бы хотелось показать вам пистолет меньшего размера, который легко помещается в кармане галифе или внутреннем кармане пиджака. Учитывая наше беспокойное время и место, куда вас должны направить, такой пистолет был бы вам совсем не лишним. Вот смотрите, – продавец выложил на стойку небольшую коробку. Открыв её, он достал небольшого размера пистолет, который поместился в его ладонь, продолжил: – Это очень удачное продолжение линии карманных браунингов для самообороны. Эту модель несколько уменьшили в весе и размерах. Лёгкий и изящный, он стал проще в разборке. Это 9-мм вариант, самый мощный из карманных пистолетов, который можно носить скрыто. И вам, месье, я уступлю его за сущие копейки. Всего за 50 франков с двумя коробками патронов.

Владислав взял пистолет в руки. Его рукоять легко и удобно легла в его ладонь. Он вытянул руку вперёд, ощущая пистолет как продолжение своей руки. Это было «его оружие». Учась в училище, он неоднократно приходил к оружейному магазину, глядя вожаделенно через витринное стекло именно на такой пистолет. Ему давно хотелось иметь браунинг. И вот неожиданно во Франции его мечта была готова сбыться.

– Да, месье, пистолет действительно хорош, но мне кажется, что вы запросили большую цену, чем он стоит. В России такой образец продаётся за 15 рублей с патронами. Вы же просите 20 рублей в пересчёте на русские рубли. Но, – Владислав сделал многозначительную паузу, продолжил: – Я согласен взять его и по такой цене, если вы мне добавите ещё одну коробку патронов.

Продавец рассмеялся и шутивно поднял вверх обе руки:

– Хорошо, месье офицер, вы были весьма убедительны, и поэтому я вам добавлю ещё одну коробку патронов лично от себя, бесплатно.

Пришла очередь улыбнуться Владиславу. Расплатившись, вышел из магазина, неся в руках небольшой свёрток. Он сделал ещё одну попытку найти Аделин, но дом встретил его тёмными окнами. Ему ничего не оставалось, как вернуться в гостиницу.

На следующий день полк по железной дороге выехал в тренировочный лагерь Майли (Camp de Mailly), что располагался в Шампани на южном берегу Шалон-сюр-Марн. Идя навстречу нашему командованию, союзники превратили лагерь в русский городок, в котором была построена даже великолепная русская баня вместо принятого во французской армии душа. На территории был устроен учебный центр для подготовки разного рода специалистов из числа солдат и офицеров, а в тылу лагеря были построены примерные германские позиции

для отработки нашими войсками вылазок и атак. Солдат поселили в деревянных бараках, офицеров расселили по квартирам, что находились в домах рядом с учебным центром. Наконец, прибыла долгожданная почта из России. Весь лагерь погрузился в чтение писем. Владислав тоже получил два письма от мамы. Они его обрадовали и огорчили одновременно. В первом письме она благодарила сына за оставленные деньги, которые помогли ей, рассказывала свои новости, о том, кто и что из жильцов натворил, кто съехал, а кто поселился. Справлялась о его здоровье. Передавала поклоны от знакомых и близких. В общем, обычное письмо из дома. Читая его, он представлял, что пришёл домой в увольнение из училища, сидит за столом, пьёт чай из пузатого самоварчика с вишнёвым вареньем, а маменька в своём неизменном переднике сидит напротив, рассказывает о своём житье-бытье. Второе письмо, написанное месяц спустя, встревожило и расстроило его. Мама писала, что по её просьбе она встретилась с Соней и навела справки о Серафиме. Но Соня ничего путного ответить не могла, сказала только, что Серафима уехала жить в Петроград и она более про неё ничего не знает. Да и сама Соня вскоре съехала из флигеля в неизвестном направлении. Во второй части письма мама жаловалась на здоровье, на боль в груди и что ей становится трудно дышать и ходить. И что она боится умереть, не дождавшись своего сына с войны. Поэтому просит прислать ей денег по возможности: «А то доктора нынче очень дороги!»

Понимая, что простая почта в условиях войны работает достаточно плохо, Владислав решил перевести деньги напрямую, через хороший банк, уведомив маменьку о переводе телеграммой. Такая возможность ему вскоре предоставилась. Дело в том, что поначалу командование бригады увлеклось частыми смотрами да парадами. Перед кем только ни приходилось маршировать, демонстрируя свою великолепную выучку – командир корпуса Безелер, командующий четвертой армией Гуро, главнокомандующий фельдмаршал Жоффри, президент республики Пуанкаре, представитель русского командования во Франции генерал Жилинский, русский посол в Париже, и это далеко не весь список. Кто-то из офицеров подсчитал: за два месяца пребывания в лагере было проведено 18 смотров. А первый батальон первого полка прошёл даже в Париже, где 14 июля принял участие в торжествах по поводу Национального праздника Французской республики – Дня взятия Бастилии. Владислав воспользовался этой поездкой для отправки денег на Родину, справедливо посчитав, что из Парижа деньги придут быстрее в Москву.

Итак, в лагере началась учёба, подготовка к боевым действиям. Не все офицеры полка отнеслись с должным пониманием к учёбе. Некоторые считали себя выше французской военной школы, но их была малая часть, а другие просто «ударилась во все тяжкие», уваливая под благовидными предлогами из лагеря, предаваясь пьянству и веселью. Арнатский не относил себя ни к тем, ни к другим, он понимал, что нужно учиться, потому что от его знаний будет зависеть его жизнь и жизнь подчинённых. Первые дни обучения показали, что нынешние боевые действия разительно отличаются от того, что они проходили в училище. Это была новая позиционная война, где войска закапывались очень глубоко в землю, которая подразумевала новые методы ведения боёв, газовые атаки, минная подземная война, контрминная война. Солдат учили новым специальностям, такие как миномётчики, бомбомётчики, снайпера, телефонисты, сапёры и даже огнеметчики. Здесь он впервые познакомился с аппаратом Вермореля, бросающего огневую жидкость на расстояние пятидесяти-шестидесяти метров. Очень заинтересовали лёгкие траншейные пушки, что стреляли сжатым воздухом. Владиславу хотелось узнать многое, поэтому его часто можно было видеть в учебном центре, где он учился обращаться с различным вооружением, телефонными аппаратами, системой сигнальных оповещений. Он пролил не один литр пота на полигоне, участвуя с солдатами на практических занятиях по отработке штурма вражеских окопов, приёмов рукопашного боя, штыковой атаки и на занятиях по инженерной подготовке, где тренировались в устройстве проволочных заграждений, блиндажей, глубоких убежищ и перекрытий. Большое внимание уделял изучению лич-

ного оружия, заставляя солдат собирать и разбирать оружие, порой с завязанными глазами. Дело в том, как говорилось ранее, наши войска прибыли во Францию без оружия, за исключением офицеров. Уже здесь солдаты были вооружены винтовками «Лебель» и пулемётами «Гочкисс» французского образца. Он самостоятельно изучил все тонкости данных образцов вооружения и теперь усердно обучал солдат. Винтовки «Лебель» практически ничем не отличались от наших винтовок «Мосина», разве что калибр был 8 мм против нашего 7.62. Да и кучность «Лебеля» оставляла желать лучшего. У французского пулемёта Гочкисс был длиннее ствол, чем у нашего «Максима», и располагался на треноге, что несколько затрудняло его перемещение во время боя. Да и жёсткая латунная пулёмётная лента тоже несколько стесняла действия пулёмётчика с непривычки. Зато наши пулёмётчики, обычно крепкие ребята, поражали французов тем, что, слегка крикнув от натуги, легко забрасывали себе на плечо тяжёлый пулёмёт, перемещая его в одиночку там, где им нужно было задействовать двоих.

Поначалу такое усердие со стороны Арнатского встретило некоторое непонимание среди офицеров батальона, но постепенно, вдохновляясь его примером, всё больше и больше сослуживцев втягивались в боевую работу. Но программа обучения для офицеров была более скудной, чем у солдат, она предусматривала изучение под руководством инструкторов французских топографических карт различных масштабов, наставлений и инструкций, а также ознакомление с принципами атаки укреплённых позиций противника. И завершиться программа занятий должна была курсом офицерской стрельбы и верховой езды. Поэтому больше времени Арнатский проводил с солдатами.

1-я особая бригада была введена в состав 4-й армии, которой командовал генерал Гуро. Он приходил в восхищение от наших солдат, побивших все рекорды, поставленные французами по метанию ручных гранат. Для наших войск это было новинкой. Таким же нововведением явились стальные каски образца Адриана, которые специально заказали не с французским, а с русским гербом. Четвёртая армия входила в состав Центрального фронта, которым командовал генерал Петэн, убеждённый в том, что русские – это дикари, неспособные к обучению, и поэтому их придётся долго обучать владению французским оружием. Этакий большой истукан, как его характеризовали сами французы, главным качеством которого, быть может, являлось хладнокровие в тяжёлые минуты сражений, но и это опровергается мемуарами Пуанкаре, развенчавшего славу Петэна как спасителя Вердена.

Так вот с этим генералом произошёл казусный случай, когда он, решив доказать свою теорию о русских дикарях, прибыл в учебный центр. Войска были построены. Генерал долго обходил строй солдат, пытаясь придраться к их внешнему виду, но безупречная выправка наших солдат не дала ему ни единого шанса. Наконец он вызвал солдата из глубины строя, приказав зарядить и разрядить ружьё. Это было проделано с лёгкостью и быстротой. Пробормотав себе под нос, что это единичный случай, он приказал принести стол, что и было исполнено. Теперь генерал вызвал Сабанеева, выделяющегося своим особым ростом из первой роты, приказав ему разобрать и собрать пулёмёт, что он так легко держал на своём плече. Старший унтер-офицер, понимая, чего добивается генерал, решил преподать ему урок. Он положил пулёмёт на стол и, завязав глаза платком, выполнил его приказ на ощупь. Лицо генерала отражало недоумение и злость. Тогда он подал команду «Газы», и она тоже была исполнена безукоризненно всем личным составом.

– Ну, хорошо, – обратился он к военному представителю России генералу Бубенцову, – с оружием вы справились, а как ваши офицеры смогут выполнить приказы от французских офицеров, если они не знают языка?!

Тут не выдержал Арнатский:

– Господин генерал, – выкрикнул он прямо из строя на чистом французском языке, – обычно, получив приказ от командира, наши офицеры выполняют его безотлагательно.

По строю прокатился ядовитый смешок. Петэн резко обернулся, вглядываясь в смешливые лица офицеров. Повисла неловкая пауза. Так, ничего не сказав, генерал молча покинул плац, и чем дальше он уходил, тем громче смеялись офицеры. После этого случая Криволапов научил Мишку новой шутке. По команде «Покажи, как Петэн удивился» медведь разводил передние лапы в стороны, садился на свой зад, удивлённо открывая пасть.

Настало 15 июня 1916 года. Обучение закончилось, полки готовились совершить переход к линии фронта, где их ждала 4-я армия французов. Им предстояло пройти около шестидесяти километров. Несколько недовольный предстоящим переходом Владислав перед общим построением задал вопрос командиру роты:

– Борис Михайлович, у французов такое прекрасное техническое обеспечение, не чета нашему, так какого чёрта лысого мы пойдём пешком? Чтобы прийти на позиции вымотанными?! Разве французы не могут обеспечить нас транспортом? Мы бы эти 60 вёрст преодолели за один день, а придётся три пешком в полной боевой выкладке шагать.

– Вот вечно у вас, Арнатский, куча ненужных вопросов, – возмутился было Шалтурин, но тут же взял себя в руки и ответил более спокойным голосом: – Как бы ни было для вас странно, но французы предложили нам транспорт и даже в нужном количестве, но Луховицкий отказался, сказав, что русский солдат привык передвигаться пешком. Французы с радостью согласились, потому что, по их убеждению, походные колонны русских солдат, идущие к фронту, будут служить своеобразным допингом для поднятия настроения у местного населения. Одним словом, глупость, замешанная на политике.

И видя, что он пытается что-то сказать, резко добавил:

– И хватит, подпоручик, об этом! Мы получили приказ и должны его выполнить! А свои вольно думские рассуждения оставьте при себе! – и добавил уже мягче: – У вас такой сегодня торжественный день, хватит о грустном!

– Не понял, что за торжество, о котором я не знаю? – удивился Владислав.

– Всеу своё время, – загадочно улыбнулся штабс-капитан.

На построение прибыл военный представитель русского командования во Франции генерал Жилинский, он с воодушевлением говорил о важности миссии, которую предстоит выполнить бригаде, сражаясь на европейском фронте. Затем слово взял генерал-лейтенант Луховицкий, вкратце поставив боевую задачу бригаде. Закончив свою речь, он сделал паузу, а потом подал команду, взяв под козырёк:

– Подпоручик Арнатский, ко мне!

Услышав свою фамилию, Владислав вздрогнул от неожиданности. Затем сделал три чётких строевых шага, вышел из строя и только после этого перешёл на вольный шаг. Не доходя до комбрига, он опять перешёл на строевой шаг, останавливаясь ровно за метр от него, приложил руку к козырьку фуражки:

– Ваше Высокопревосходительство, подпоручик Арнатский по вашему приказанию прибыл!

Адъютант Луховицкого зачитал приказ:

– Высочайшим повелением за совершение подвига человеколюбия с риском собственной жизни при спасении человека наградить подпоручика Арнатского Владислава Семёновича серебряной медалью «ЗА СПАСЕНИЕ ПОГИБАВШИХ»!

Оркестр заиграл туш, генерал Жилинский, улыбаясь, прикрепил медаль к груди Владислава. Немного обескураженный, юноша ответил:

– Служу Царю и Отечеству!

Когда он вернулся в строй, Нехлюдов поспешил заметить:

– С вас за ужином причитается, подпоручик.

– Непременно, Аркадий Ерофеевич.

– Но-но, господа, – вмешался штабс-капитан, – не забывайте, что нам предстоит тяжёлый и долгий марш. Поэтому ограничимся одной бутылкой на всех.

На следующий день начался переход от лагеря Майи до Мурмелон-ле-Гран, где находился назначенный бригаде боевой участок. Французские сёла, маленькие городки, через которые проходили русские войска, жители впервые в своей истории слышали речь, боевые песни русских солдат, радушно приветствуя наших воинов.

В ночь на 19 июня полки заняли передовую линию фронта западнее Оберив-Гаскон, Буа-парамел, Буа-ном и Буа-де-Було. Сектор, что достался первой роте, оказался самым сложным на участке 1 полка. Позиция была выдвинута вперёд, образуя своеобразную дугу. Первое, на что обратили внимание офицеры, что окопы были мелковаты, и поэтому сразу после размещения по блиндажам солдаты приступили к их углублению. Владислав, впервые попав в боевую обстановку, слегка оробел, но старался всем видом не показывать своего состояния. Соблюдая меры предосторожности, он выглянул за бруствер⁶.

Со стороны немцев то и дело взлетали ракеты, освещая на некоторое время ничейную полосу между противоборствующими сторонами. Снопы огня выхватывали из темноты куски земли, изрытые воронками от снарядов, опутанные колючей проволокой, на которой висели обрывки материи, жестяные банки. В холодном свете ракет земля казалась безжизненно мёртвой, как на кладбище. По спине Арнатского пробежал леденящий холодок.

– Я бы не советовал попусту выглядывать за бруствер, – раздался рядом негромкий голос Нехлюдова, – первый раз на позиции, и вам не терпится взглянуть на поле боя?! – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Оно скоро вам надоест, а спустя некоторое время вы его будете ненавидеть. Лучше проконтролировали бы, как идут работы по углублению траншеи, а после возвращайтесь в наши покои, скоро подойдёт из штаба ротный, будем совещаться.

Спустя некоторое время офицеры собрались в своём блиндаже⁷. Офицерский блиндаж представлял собой помещение размером примерно 4×4 метра, с довольно высокими бетонированными потолками. Стены и пол были обшиты досками. Пол был поднят сантиметров на 20 от уровня дна окопа. Это было сделано для того, чтобы окопная жижа не заползала вовнутрь. Четыре железных койки стояли по периметру помещения, над каждой койкой был оборудован своеобразный полог, чтобы отдыхающий мог отгородиться от присутствующих, создавая иллюзию отдельного спального места. В центре стоял деревянный стол с четырьмя табуретами, который служил и ротной канцелярией, и местом для приёма пищи. Имелось ещё три полки на стенах с посудой да прочей мелочью. Над столом висела керосиновая лампа, имелся запас свечей.

Офицеры расселись за столом, ротный начал совещание:

– Значит так, господа, про скрытность и секретность можно говорить долго, но получилось, так что немцы знают, что мы появимся на позиции, и за пару дней до нашего прибытия сосредоточили на этом направлении свою лучшую, как они её называют, «Стальную дивизию». По данным разведки, она состоит из трёх бригад. Это говорит только о том, что ближайшее время на этом участке будет наступление, направленное против нас. Цель и военная, и политическая, разбив русские войска, они убьют двух зайцев. Первое – докажут миру ещё раз о своей непобедимости, а второе – окончательно деморализуют наших союзников. Поэтому нашу роту завтра усилят девятью пулемётами. Григорий Григорьевич, – обратился он Федотову, – вы с Аркадием Ерофеичем пройдёте вместе и определите для них позиции на флангах нашей роты. Особенно обратите внимание на стык с левофланговой, третьей ротой. Её позиция как бы вдавлена в глубину обороны, это самое вероятное место прорыва. По прибытии

⁶ Бруствер – (от нем. brustwehr, грудная защита) – часть фортификационного сооружения, представляющая собой закрытие от прицельных выстрелов и взоров противника.

⁷ Блиндаж – оборонительное сооружение в виде выемки в земле со стенами и с покрытием из дерева, железобетона, стали, земли для защиты от огня противника

пулемётных расчётов позаботьтесь о размещении вновь прибывших солдат. Владислав Семёнович, на вас, как на самого знающего, ложится окопная артиллерия, оборудуйте позиции для шести миномётов, четырёх бомбомётов. Я же займусь артподдержкой. К утру придёт французский артиллерийский корректировщик, нам придадут три батареи 37-мм, 57-мм и 75-мм пушек. У французов со снарядами дело обстоит гораздо лучше, не то что на восточном фронте, когда там на десять германских выстрелов мы отвечали одним. И ещё, вы обратили внимание, какая вонь стоит в окопах?! Оказывается, союзники не имеют привычки оборудовать отхожие места и испражняются прямо себе под ноги. Так вот, дайте задания унтерам, чтобы оборудовали как минимум три нужника для солдат и один для нас. А землю, что останется после углубления окопов, выкинуть за бруствер. Кстати, грунт здесь твёрдый, глинисто-меловой. Значит, траншеи должны быть прочными, а блиндажи – надёжными. Если вопросов нет, приступайте. Да, и ещё, Владислав Семёнович, не забывайте, что мы на фронте, и чем ниже вы будете склонять голову, будучи в окопе, то больше шансов остаться в живых. И в атаках не геройствуйте, не стоит бежать впереди солдат. Немцы имеют привычку офицеров выбивать первыми. Надеюсь, я понятно изъясняюсь?!

– Так точно, господин штабс-капитан, – отвечал внутренне похолодевший Владислав.

– Вот и отлично, – продолжил ротный. – Я знаю, вам сейчас страшно, может, даже и очень. Вы не стыдитесь этого, страшно всем. Страх не даёт нам сделать опрометчивый поступок. Сумеете подчинить себе страх, будете жить, нет... значит, не судьба. Всё, господа, по местам.

Ближе к трём часам ночи подготовительные работы были закончены. Уставший Арнатский повалился на свою кровать, не снимая сапог, забываясь в глубоком сне.

Проснулся он от того, что сильно чесались руки и шея, и вообще было ощущение, что по нему кто-то ползает. Открыв глаза, внимательно осмотрел свою левую руку, что чесалась сильнее всего, обнаружив на ней тёмную точку, что медленно двигалась по его коже. Схватив её двумя пальцами, он встал, подошёл к столу, чтобы внимательно рассмотреть под светом лампы. К своему брезгливому ужасу, он разглядел жирную рыжую шестиногую букашку, которая как ни в чём не бывало ползла по его пальцу, потом остановилась, и он почувствовал весьма болезненный укус, который моментально зачесался. Арнатский злобно раздавил её между пальцев. В это время открылась дверь и в блиндаж ввалился Ермолкин, его денщик, с двумя котелками и термосом в руках. Увидев стоящего подпоручика, он вздрогнул:

– Ой, вашбродь, извините, что без разрешения. Я думал, что вы спите.

– Да ладно, Ермолкин, – махнул рукой Владислав. – А где остальные офицеры?!

– Дак все уже на позиции. Вооружение поступило новое, размещают.

– Так что ты, негодяй, меня не разбудил? – возмутился подпоручик.

– Дак господин штабс-капитан не велели, сказал, пусть поспит.

– Так и сказал? – Ермолкин кивнул головой в ответ. – Ну, хорошо. Тогда ты мне вот что скажи, любезный, я тут тварь поймал на себе кусачую, не пойму, что это? Правда, я её раздавил, – и он протянул палец, на котором лежала букашка.

Ермолкин внимательно посмотрел и сказал:

– Так это блоха, вашбродь. Хоть она и кусачая, но не такая вредная, как вошь. Вам ещё повезло, у солдат в землянках не только вши, но ещё и крысы имеются, здоровые, просто жуть.

– А что с этим делать?

– Вы не беспокойтесь, вашбродь. Всех господ офицеров сегодня покусали. Сейчас умоетесь, покушаете и уйдёте на позицию, а мы вам тут с вестовыми дезинфекцию устроим. Матрасы с подушками прожарим, кровати кипятком обработаем. Так что к обеду будет всё нормально.

Умывшись и наскоро позавтракав, Владислав ушёл на позицию роты. Командира он нашёл на командном пункте роты (КП). Помимо наблюдателей, на КП находился ещё и французский офицер. Владислав доложил о прибытии:

– Ну как, подпоручик, спалось? – с лёгкой иронией спросил он.

– Неплохо, но вот только проснулся я от того, что всё тело чесалось.

– Увы, подпоручик, окопная жизнь имеет свои неудобства. Надеюсь, к обеду денщики избавят нас от неприятного соседства. А вам настоятельно рекомендую хотя бы раз в неделю ходить в деревню, чтобы хотя бы помыться в человеческих условиях. Вот познакомьтесь, это артиллерийский корректировщик, су-лейтенант⁸, Антуан Лепити, будет помогать нам в отражении атак.

Офицеры пожали друг другу руки, обменялись любезностями.

– Теперь, подпоручик, пройдите на позицию, проверьте, как идёт обустройство позиций. Вы по боевому распорядку будете на первом взводе, к вам в помощь я определил Родимова. Если что, не стесняйтесь обращаться к нему, он солдат бывалый.

Пока занимались установкой пулемётов траншейной артиллерии, обустройством позиции, подошло время обеда. Подошли полевые кухни, унтер-офицеры снарядили солдат для подноса пищи в термосах. Арнатский было собрался вернуться в свой блиндаж, как его подозвал рядовой Молчунов, что вёл наблюдение за позициями немцев:

– Вашбродь, гляньте, что германцы учудили, – сказал он, протягивая офицеру бинокль, – я, если честно, до конца не разобрал, что написано.

– Как так, Молчунов?! – проворчал Арнатский. – Учил вас, учил, а ты прочитать не можешь!

Перехватив бинокль у солдата, он принял к окулярам. Над немецкой траншеей были подняты белые деревянные таблички:

– Здравствуйте, первая русская бригада. Вам не хватило земли умереть в России, вы умрёте во Франции, – прочитал вслух Владислав и, обращаясь к солдату, добавил: – И что тут сложного для прочтения, Молчунов? Вот отойдём, когда на отдых, устрою тебе экзамен по грамматике.

– Так точно, вашбродь, согласен! – весело ответил он и тут же добавил: – Ишь, какая немчура пронырливая, прознала, что мы тут. А можа, это и к лучшему, пусть знают, кто супротив них стоит, глядишь, в штаны быстрее наложат.

– Это точно! – ответил Владислав, возвращая бинокль. – Они из-за страха и написали этот плакат. Так, я на обед, а вы тут внимательней будьте.

Вернувшись в свой блиндаж, в котором пахло дымом, порошком против блох и свежим обедом, он рассказал об увиденном своим товарищам, на что ротный ответил:

– Что и требовалось доказать, господа, это я про секретность и скрытность.

Обед уже подходил к концу, когда раздались пушечные залпы со стороны немецких позиций, земля содрогнулась от первых взрывов, с потолка посыпалась мелкая бетонная пыль. Владислав, для которого всё было по-новому страшно, вскочил из-за стола:

– Это что такое, господа? – нервно вскричал он. – Штурм?

– Нет, не штурм, – ухмыльнулся Нехлюдов, – это всего лишь немцы устроили салют в честь нашего прибытия. Запомните, Владислав, немцы не тратят свои снаряды попусту, они действительно желают напасть на нас, но это пока артподготовка.

Интенсивность обстрела нарастала с каждой минутой:

– Глазков, Нехлюдов, прикажите солдатам прекратить все работы и занять боевые позиции, – приказал ротный.

⁸ су – лейтенант (франц) – подпоручик

Нехлюдов выскочил из блиндажа, а Глазков почему-то остался сидеть за столом, уткнувшись лбом в стол.

– Подпоручик Глазков, вы что, меня не слышали?! – повысил голос штабс-капитан, стараясь перекричать близкие разрывы снарядов.

Глазков оторвал голову от стола, его лицо было блее бумаги, он посмотрел на Шалтурина бессмысленно устремлёнными вдаль глазами, в которых была какая-то безысходность и необъяснимая умом тоска. Владислав всё понял сразу, его сердце предчувствовало грядущую беду:

– Пусть сидит, Борис Михайлович, я схожу, – сказал он, направляясь к выходу.

Многоопытный штабс-капитан кивнул в ответ.

Как только подпоручик выскочил в окоп, его сразу окатило комьями земли от близкого разрыва, насыпав земли за шиворот. Юноша инстинктивно упал ничком на дно, прикрывая голову руками. Кто-то рванул его за воротник, поднимая на ноги. Он открыл глаза: перед ним стоял Нехлюдов:

– Не позорьтесь, Арнатский, перед солдатами. Осколок вряд ли здесь достанет, только если не прямое попадание в окоп. А где Глазков? Почему вы?

Владислав объяснил ситуацию поручику, на что тот спокойно ответил:

– Это печать смерти, подпоручик. Глазков сегодня может умереть, к сожалению. Давайте мы вправо, я влево, проверим солдат.

Идя по траншее, пригибаясь от ближних разрывов, Владислав думал о том, что его поразило больше не то, что Глазков может сегодня умереть, а то, с каким спокойствием об этом сказал Нехлюдов. Не было в его словах ни трагедии, ни пиетета⁹, а простая обыденность, словно речь шла о чём-то ничего не значащем. Обыкновенная проза войны, и к этому ему ещё предстояло привыкнуть.

Обстрел, основная мощь которого была направлена на соседей первой роты, 2-ю и 3-ю, стал потихоньку идти на убыль. Родимов, что находился неотлучно около подпоручика, прокричал:

– Вашбродь, как бы германец сейчас в атаку бы не кинулся?

Арнатский осторожно высунулся из окопа и опешил. Выскочив из своих окопов и ходов сообщения, немцы быстро двигались по открытому полю к проходам, что были проделаны огнём артиллерии в проволоочных заграждениях, охватывая позицию первой роты с флангов. Пушки врага смолкли, боясь задеть своих. Владислав схватил свисток, что висел у него на груди, выдувая тревожную трель, призывая солдат занять свои боевые позиции. И как только немцы начали прорываться через ограждения с криками «Гох!», рота встретила их сокрушительным огнём. Но штурмующие, казалось, не замечали огня наших солдат, продолжая двигаться вперёд. Рядом с подпоручиком вскрикнул и сполз на дно окопа солдат, Владислав схватил его винтовку, что осталась на бруствере. Не успел он сделать и пары выстрелов, как их дружно поддержали огнём соседи 2-я и 3-я роты. Немцы, попав под перекрёстный огонь, замешкались, а потом и вовсе остановились, не дойдя до траншеи первой роты буквально десятков метров. Начали пятиться назад.

– В контратаку надо идти, вашбродь! – проорал Родимов.

Арнатский трижды свистнул и прокричал:

– Рота, за царя и Отечество в атаку, вперёд!!!

И навстречу заглохшему немецкому «Гох» зазвучало русское «Ура!». Подхваченный единым порывом, Владислав выскочил из окопа следом за солдатами. Преодолев расстояние одним броском, рота врубилась в боевые порядки германцев. Начался штыковой бой, жестокий и беспощадный. Раздались первые крики умирающих, брызнула первая кровь. Когда офицер приблизился к дерущимся, из невообразимой свалки вдруг выскочил рослый немецкий солдат

⁹ Пиетет – Глубокое уважение, почтительное отношение к кому-чему-нибудь.

и ринулся с винтовкой наперевес навстречу ему. Юноша видел, как лучи солнца отражаются на кончике плоского штыка-тесака, который был направлен ему в грудь. Сейчас он забыл обо всём, чему учился, из головы вылетели все приёмы рукопашного боя. Подбежав на расстояние атаки, он просто сделал фехтовальный выпад в сторону противника. На его удивление, игольчатый штык французской винтовки с лёгкостью пронзил тело немца чуть ниже левого соска, и в тот же момент он получил ответный удар в грудь, который пришёлся ему прямо в сердце. От неожиданности Владислав упал, выпуская винтовку из рук, но тут же вскочил на ноги, хватая себя за место удара рукой, крови не было. Мёртвый немец лежал на спине, глядя удивлённо на него уже пустыми глазами, гипнотизируя, как удав кролика. В себя его привёл истощённый крик, что раздался рядом: «Братцы, помогите!» Он обернулся: в двух метрах от него дюжий немец, свалив на землю нашего солдата, занёс над головой винтовку, намереваясь совершить смертельный укол. Правая рука Вячеслава автоматически выхватила саблю из ножен, не раздумывая нанося косой рубящий удар. Удар был такой силы, что сабля перерубила винтовку врага пополам, при этом сама, ломаясь почти у самой рукояти. Пока немец размышлял, что случилось с его винтовкой, Арнатский, не отдавая отчёта в своих действиях, с силой ткнул его в шею обломком сабли. Острый край обломка пропорол сонную артерию, в лицо Владиславу брызнула тугая, липко пахнущая струя крови. В это время над полем раздался свист, а следом прозвучала команда: «Все назад, в окопы». Утирая лицо рукавом гимнастёрки, юноша вернулся назад. Не успели солдаты занять места в окопах, как начался артиллерийский обстрел. В этот момент высоко в небо взвилась ярко-красная сигнальная ракета, и сразу же заработали французские батареи, обеспечивающие боевой участок бригады. Слушая разгорающуюся канонаду, Арнатский сидел на дне окопа, безуспешно пытаясь раскурить папиросу. Спички ломались в его дрожащих пальцах, не желая зажигаться. Но вот перед ним зажглась спичка, поднося огонёк к кончику папиросы. Раскурив её, он несколько раз сильно затянулся.

– Вашбродь, – послышалось сбоку от него, он повернул голову. Рядом стоял спасённый им солдат. – Вашбродь, спасибо вам! Отвели беду! Век не забуду!

– Ладно, братец, пустое, – ответил устало Владислав, подымаясь на ноги, – вернёшь на том свете угольками.

Артиллерийская дуэль, продолжавшаяся в течение получаса, закончилась в пользу французов, они смогли подавить огневые точки противника. В роте подсчитали потери. Погиб один офицер, два подпрапорщика, 12 солдат. Ранено 14, из них тяжело – 4. Погибшим офицером оказался Глазков.

– Представляешь, вот такусенький осколок, – показывая на кончик мизинца, говорил уже в блиндаже подвыпивший Нехлюдов, – в висок, и насмерть. Он чувствовал смерть. Чувствовал.

В разговор вмешался командир:

– Владислав Семёнович, у вас гимнастёрка в крови, вы что, ранены?

– Нет, Борис Михайлович, это не моя кровь. Я немца зарезал.

– Понятно. Это у вас первый?

– Нет, второй. Первого я штыком, а он меня тоже в грудь, и ни царапины.

– Это как? – удивился Нехлюдов.

– А вот как, – Владислав выложил на стол лиловую коробочку, открыл её, блеснуло кольцо. – Это кольцо я хотел подарить своей невесте Серафиме, да не успел. А сегодня утром я его зачем-то положил во внутренний карман. Тесак немца, пробив коробочку, застрял в кольце, не доходя до груди пару миллиметров. Так Серафима меня сегодня спасла.

Шалтурин молча взял с полки стакан, наполнил его до краёв водкой, поставил перед Арнатским.

– Пейте, подпоручик, разом, до дна, вам это нужно. Иначе вы сегодня не уснёте. Слишком много для вас сегодня было потрясений. Пейте, пейте за здоровье вашей Серафимы.

Владислав послушно выпил водку, словно воду. Через пару минут хмель ударил ему в голову, и он уснул прямо за столом. Офицеры аккуратно уложили его на кровать, сняли сапоги. Укрывая его одеялом, штабс-капитан, обращаясь к Нехлюдову, сказал:

– Ну вот, и стал наш розовощёкий юнец мужчиной.

Глава 15.

«Серафима»

«Продолжение скандинавской одиссеи»

«Из Хельсинки в Петербург»

Экипаж неспешно удалялся от места теракта по абсолютно незнакомым для Серафимы улицам. Она встревоженно крутила головой по сторонам и, не выдержав спросила возницу:

– Постойте, а куда мы едем?!

Ответа не последовало. Выдержав паузу, она достала свой браунинг из сумочки и, направив его в спину кучера, вновь повторила свой вопрос, но уже гораздо громче. На что человек, сидящий на облучке, слегка повернув голову вправо, на хорошем английском (что было полной неожиданностью для неё) негромко сказал:

– Разве мадемуазель не предупреждали о том, что не нужно говорить на русском языке?!

Девушка опешила¹⁰ от этих слов. А «кучер» тем временем продолжил:

– Не волнуйтесь, Софья, я везу вас в надёжное место, на дачи, в Скаттуден¹¹, где вас встретит наша общая знакомая. Потерпите ещё 20 минут, и мы будем на месте.

Эти слова несколько успокоили Серафиму, она откинулась на сиденье, пряча своё лицо в тени откидного верха пролётки, который предусмотрительно был поднят.

Он не солгал, через 15 минут пролётка въехала в большой дачный массив, в лицо пахло свежим запахом моря. А ещё через 5 минут экипаж остановился возле двухметрового забора, выкрашенного в зелёный цвет.

– Калитка не закрыта. Проходите, в доме вам ждут, – донеслось с облучка, – да, и сымитируйте оплату проезда, дайте мне какую-нибудь монетку.

Девушка послушно залезла в сумочку, достала первую попавшуюся монету, пятиалтынный¹², протянула псевдокучеру. Степенно выйдя из экипажа, она с неспешным достоинством вошла в дверь и, закрыв за собой, привалилась на неё спиной без сил. От пережитого напряжения ноги отказывались идти. Она постояла так несколько минут, приходя в себя. Наконец, собравшись с силами, пошла по дорожке, выложенной жёлтым кирпичом, к небольшому аккуратному, с небольшой стеклянной верандой, домику песочного цвета, спрятавшегося в тени раскидистых сосен. Подойдя к веранде, она тронула ручку двери, та на удивление легко поддалась, приглашая войти вовнутрь. На веранде, завешенной нежно-розовыми шторами, слева от двери, в дальнем углу, у окна, стоял летний плетёный столик, на нём початая бутылка белого вина и ваза с яблоками. По окружности стола были расставлены три плетёных стула. На одном из них восседала с бокалом вина в руке Айра. Чёрное платье было застёгнуто до подбородка, а в её строгих глазах читалось и волнение, и переживания, и любопытство одновременно.

– Ну что, получилось?! – тревожно воскликнула националистка, только Серафима переступила порог.

Ничего не отвечая, Клестова подошла к столу, налила до краёв вина в пустой бокал, залпом выпила. Затем налила ещё и, взяв его в руки, тяжело плюхнулась в соседнее кресло, едва не расплескав содержимое.

– Да, я думаю, что всё получилось! – девушка вкратце описала произошедшее.

¹⁰ Опешить – Растеряться от неожиданности, удивления и т.п., прийти в замешательство.

¹¹ Скаттуден (Скатууден) – полуостров, ограничивающий Южную гавань Хельсинки с северо-востока

¹² Пятиалтынный (или пятиалтынный) – народное название монеты номиналом 15 копеек. Название происходит от перечёта номинала в алтыны (15 копеек = пять алтынов). Алтын равен трём копейкам.

– Слава богу! – произнесла Айра, отпивая из бокала. И тут же спросила: – А Александр ушёл? Как ты думаешь?!

Девушка в ответ молча пожала плечами.

– Ты молодец! Не зря мы на тебя рассчитывали! – Айра подняла на уровень глаз свой бокал, приветствуя Клестову, выпивая его да дна. Затем встала. – Так, я в город, завтра приеду. Ты располагайся, отдыхай. Заслужила. Еда, вино на кухне, напротив комнаты для отдыха, выбирай любую. Замёрзнешь, дрова уже в печи, только поджечь, – она указала пальцем на дверь, что вела вглубь дома и, не прощаясь, стремительно вышла на улицу.

Оставшись одна, Серафима, допив своё вино, тяжело поднялась, прошла вовнутрь дома, прихватив с собой бутылку с остатками вина. Войдя в коридорчик, безразлично толкнула ближайшую к себе дверь, за ней оказалась небольшая спальня с кроватью, комодом, шкафчиком и зеркалом. Поставив бутылку с бокалом на комод, она быстро разделась до нижней сорочки, бесцеремонно разбросав вещи по полу. Затем, взяв бутылку, вылила в себя содержимое прямо из горлышка, забралась под одеяло, свернулась калачиком и тихонько заплакала, жалея себя. Но нервная усталость вкупе с вином сделали своё дело, она уснула.

Проснувшись утром с больной головой, в отвратительном расположении духа, Серафима не стала одеваться, а, закутавшись в одеяло, побрела на кухню. Там на столе стояла корзина с едой, две бутылки вина. Откупорив первую попавшуюся, Серафима, налив полный стакан, с жадностью выпила. Тёплой согревающей струёй вино побежало по жилам, постепенно снимая ноющую головную похмельную боль. Выудив из корзинки яблоко, девушка с хрустом откусила порядочный кусочек. Налила ещё и так же залпом выпила. Вино ударило в голову, хмеля сознание.

«Эх, сейчас бы какого мужичка заваливающегося, чтобы отвлечься от дурных мыслей», – неожиданно для себя подумала Клестова, ощущая, как горячая волна вожделения прихлынула к нижней части живота. А вслух добавила:

– Печь, что ли, затопить? А то что-то зябко совсем одной.

Взяв коробку со спичками с печного приступа, она открыла заслонку. Айра не обманула – дрова в печи были сложены так, что оставалось только зажечь бересту. Присев на корточки, она чиркнула спичкой, огонь весело побежал меж поленьев, постепенно разгораясь. Девушка так и сидела, наблюдая за пляшущими язычками огня, пока за её спиной не скрипнула дверь. Она, несколько не испугавшись, встала, поворачиваясь на звук, одеяло соскользнуло с её плеч на пол.

В дверях, застывший как соляной столб от неожиданно открывшейся картины, стоял Вилли.

– Вы не закрыли входную дверь, – только и смог произнести он.

«Ну, вот вам и мужичок заваливающий, – мелькнула мысль у Серафимы, внизу живота опять стала горячо. – Что это со мной, – удивилась мысленно она, – готовая броситься на любого, сходя с ума от вожделения? Или это такая защитная реакция на происходящее? А не всё ли равно! Я молода, пьяна и хочу секса. А может, завтра погибну, так зачем отказываться от своих желаний?!»

– Да и чёрт с ней, этой дверью. Вилли, что же вы застыли в дверях, проходите. В комнате и так холодно, – кокетливо сказала она, зябко поёжившись, обнимая себя за плечи.

Вилли, судорожно сглотнув, шагнул вовнутрь кухни. В руках он нервно сжимал корзинку, очевидно, с едой.

– Хотите выпить со мной вина?! – перешла на английский Серафима.

Вилли молча кивнул, взял бутылку, разливая по стаканам вино. Было заметно, как его руки от волнения слегка подрагивали. Наполнив наполовину стакан, он подал его девушке. Взяв протянутый стакан, опустив руки от плеч, она прекрасно понимала, что он сейчас ощущает глядя на неё в полупрозрачной шёлковой сорочке, под которой не было нижнего белья:

– Я предлагаю выпить за любовь! – томным голосом произнесла девушка.

Звякнули стаканы, Серафима выпила свою порцию, не сводя взгляда с Вилли, в глазах которого перемежалась робость одновременно с похотью. Допив вино, она, не глядя, поставила стакан на стол, затем, продолжая пристально смотреть ему в глаза, вдруг схватила его за пах, ощущая упругий растущий бугорок. Он вздрогнул, чуть не расплескав вино, но руки её не отнял. Тогда девушка, решительно взяв его за рукав пиджака, потащила за собой в комнату. Войдя, бесцеремонно толкнула его на кровать, он безропотно упал на спину, выплеснув на себя остатки вина из стакана, который продолжал держать в руке. Так же бесцеремонно она стащила с него ботинки, брюки, бельё и, поддёрнув подол сорочки до пояса, оседлала его вздыбленную плоть. То, что происходило дальше, можно описать как изнасилование, только в роли насильника выступала Серафима. Не обращая внимания на стоны и хрипы «несчастливого» Вилли, каждый раз шлёпая его по рукам, когда он пытался дотронуться до её груди или бёдер, она яростно в течение нескольких минут «насиловала» его, приближая себя к вождьленному «финалу», достигнув которого, повалилась рядом на кровать, тяжело дыша. Спустя пару минут пришедший в себя мужчина, что-то пробормотав о высоких чувствах, попытался её обнять, она дёрнулась, как ужаленная, соскакивая на пол. Быстро подняв с пола свою сумочку, выхватила свой браунинг, взвела курок и, приблизившись к лежавшему Вилли, сильно прижала к его лицу ствол, яростно прошипела:

– Если ты, «экскурсовод», хоть кому-то обмолвишься словом о том, что здесь сейчас произошло, то я пристрелю тебя! И ты из «Кровавой собаки» превратишься в мёртвую! Это слово Студентки! Ты понял меня?! – Серафима ещё сильнее нажала на пистолет, до боли вдавливая его в щеку Фурахельма.

– Да, – жалобно запищал Вилли на русском языке, – да, я буду молчать как рыба. Только убери свой пистолет от моего лица.

– Этого мало! Дай мне слово мужчины! – не сдавалась Серафима.

– Клянусь честью, никто об этом не узнает!!! – произнёс Вилли, прижимая правую ладонь к сердцу.

– Так и быть, поверю, – снисходительно ответила девушка, отходя от кровати, и, поведя стволом, указала на дверь. – А теперь выметайся из моей комнаты и подожди меня на кухне, пока не приведу себя в порядок. Там расскажешь, зачем приходил.

Фурахельм не заставил себя долго упрашивать, вскочив с постели, он сгрёб свои вещи в охапку выскакивая из комнаты, при этом аккуратно прикрыв за собой дверь.

Клестова, садясь на кровать, бросила пистолет на подушку, затем легла и рассмеялась: «Оказывается, мужиками можно управлять, как захочешь! Главное, проявить решительность, продемонстрировать свою силу и одновременно слабость! Тогда из них можно верёвки вить! – размышляла она, а потом, погладив низ живота, подумала: – А Вилли ничего себе так мужичок, на одноразовую акцию пойдёт», – и вновь радостно рассмеялась.

Когда Серафима, уже облачённая в платье, с красивой причёской и лёгким макияжем вошла на кухню, то стол был сервирован на две персоны, вино разлито по бокалам. Вилли с невозмутимым скандинавским спокойствием приветствовал её лёгким полупоклоном, только мокрые, уже почти незаметные пятна на костюме указывали на произошедшее некоторое время назад. Присев за стол, девушка ощутила, насколько она была голодна, поэтому рыбный салат с треской, холодная курица с зелёным горошком, дополняемая отличным белым вином, пришлись как нельзя кстати. Она с аппетитом принялась за поздний завтрак, который прошёл в полной тишине. Каждый думал о своём. Закончил с едой, Фурахельм, промокнув салфеткой губы, взял лежащую на столе газету и, выразительно глядя на девушку, произнёс:

– Вот что пишет сегодняшняя газета!

«Вчера неизвестным лицом в офицерской форме, назвавшим себя Александр Град, несколькими выстрелами из револьвера убит напавал в своей квартире прокурор финлянд-

ского сената Ионсан, а также ранен шестнадцатилетний его сын. Убийца задержан. Как утверждает привратник дома, где было совершено нападение, убийцу в дом привела молодая русская девушка, некая Корчагина Софья. Сам привратник был тяжело ранен ножом и сейчас находится в больнице „Красного креста“. Полиция прилагает все силы к розыску упомянутой девушки».

– Так что, уважаемая Софья, вас разыскивает вся полиция королевства. Но не беспокойтесь, здесь вас будут разыскивать меньше всего. Сегодня вечером Айра принесёт вам новые документы и ваши вещи. А потом отвезёт вас в самую северную часть залива, в местечко Сёрнес, на дрезине, в грузовой порт, где суда нагружают и разгружают. Вас посадят на пароход, который идёт в Норвегию с заходом в Петербург или, как это он сейчас называется, Петроград. Там вас будет ждать ваш знакомый, Серж.

– А почему в Петербург или, как вы сказали, Петроград? – поинтересовалась Серафима. – Разве это не опасно? И когда это Санкт-Петербург стал Петроградом?

Вилли терпеливо ответил:

– Во-первых, в столице сейчас неспокойно, стачки. Поэтому надзор за прибывающими ослаблен, и вам будет проще затеряться в большом городе. А во-вторых, ваш друг Серж очень настаивал, чтобы вы после «экса» здесь прибыли туда. Сказал, что вы ему очень нужны для дела. Что же касемо переименования, то ваш царь из патриотических чувств это сделал ещё в августе.

– Всё ясно. Значит, я теперь нарасхват! Даже Серж вспомнил обо мне, – саркастически улыбнувшись, только и ответила девушка.

– А теперь позвольте мне откланяться, – сказал Вилли, вставая из-за стола, – грязную посуду можете составить в раковину, а можете оставить на столе. К ужину придёт кухарка и всё уберёт. На этом прощайте, Студентка, – Вилли улыбнулся глазами. – Очень приятно было познакомиться.

Не желая больше получать сюрприза в виде внезапно пришедших гостей, Серафима заперла за ним дверь. Сытая, пьяная и удовлетворённая, она уснула на своей кровати, не раздеваясь. Разбудил её дробный стук в окно спальни, за которым уже сгущался вечерний сумрак. Включив свет, она подошла к окну. Во дворе с искажённым от злости лицом стояла Айра. Серафима неторопливо дошла до входной двери, провернула два раза ключ в замке и, не дожидаясь гостя, пошла в уборную. Когда девушка, приведя себя в порядок, вышла, возмущение Айры сошло на нет. Она уже миролюбивым тоном начала разговор:

– Спите крепко, девушка! Нервы, видать, ещё крепкие. Кухарка так и не достучалась до тебя!

– На нервы пока не жалуюсь, а вот кухарку не слышала. Сладко спалось, – с улыбкой ответила девушка.

– Вилли, надеюсь, тебе уже всё рассказал?!

Клестова кивнула головой и тут же спросила:

– А что с Градом теперь будет? Его расстреляют?!

– За него не переживай. Он знал, на что шёл! Но мы приложим все силы, чтобы вызволить его из тюрьмы, – решительным тоном ответила Айра и тут же добавила: – Я привезла твои вещи. Вот новые документы, теперь ты Анастасия Станиславовна Зульдина, вдова офицера, уроженка Нижнего Новгорода. Возвращаешься домой. Документы подлинные, выкрала их гувернантка, наш человек, только вчера, так что хозяйка ещё пару дней их не хватится. А сейчас иди, собирайся в дорогу. Как мне сообщили, нужный корабль уже загрузили, и он через час отправляется. Так что у нас мало времени.

Через десять минут женщины вышли из калитки дома на улицу, где их поджидала пролётка. Доехав до железнодорожного разъезда, они пересели на ручную дрезину. Двое молчаливых мужчин в форме железнодорожников, равномерно раскачивая рычаг привода, менее чем

за полчаса доставили пассажирок в порт, где их встретил ещё один молчаливый тип, но уже в форме морского чиновника. В сопровождении его они дошли до причала, где стоял под парами небольшой однотрубный пароход. Сопровождающий подошёл к вахтенному матросу¹³, стоящему у трапа, что-то негромко сказал на финском. Тот свистнул в дудку, висящую у него на груди.

Спустя некоторое время по трапу спустился вахтенный офицер¹⁴. Они обменялись фразами с «сопровождающим», затем подошли к девушкам, стоящим неподалёку. «Морской чиновник», подойдя, произнёс фразу, после которой Айра полезла в свою сумочку, достала оттуда плотный конверт, протягивая его вахтенному офицеру. Тот, взяв конверт на ладонь, взвесил его, улыбнулся и, тут же сгоняя улыбку с лица, произнёс длинную фразу, обращаясь к Айре. Та кивнула головой, повернулась к Серафиме, перевела:

– Он говорит, чтобы ты никуда не выходила из его каюты и не подходила к окнам в течение всего пути, а это примерно 12 часов, пока он не придёт за тобой и не выведет. Туалет с умывальником там есть. А если тебя вдруг задержит таможня или полиция, то помни: ты вдова, и у тебя мало средств, поэтому ты попросила своего знакомого бесплатно довезти тебя до Петербурга, – добавила от себя последнюю фразу Айра.

В знак согласия девушка молча кивнула головой. Офицер опять что-то сказал на финском и, махнув рукой Серафиме, пошёл к трапу корабля.

– Следуй за ним, – сказала Айра. – И прощай, Студентка, может, ещё свидимся.

Девушка также молча кивнула головой, уходя вслед за офицером. Ей почему-то не захотелось говорить ничего на прощание этой надменной женщине.

Они поднялись на корабль. Моряк молча вёл её пустыми путанными коридорами:

«Да, – подумала Серафима, – даже если я захочу, то, наверное, точно не найду выхода отсюда».

Наконец они остановились у железной двери, которая ничем не отличалась от остальных. Переступив через высокий порог, она осмотрелась. Небольшая, 2×2 м каюта, в которой поместилась койка, табурет и маленький столик около круглого иллюминатора. Рядом со столиком была ещё одна дверь, но уже деревянная. Дверь за её спиной закрылась, щёлкнул замок, запираясь на два оборота. Морское путешествие началось.

Все что смогла запомнить Серафима, так это непрекращающаяся качка, когда они вышли в открытое море. Естественно, её укачало, и всю дорогу она пролежала пластом на кровати, иногда выбегая в уборную, когда терпеть подкатывающую дурноту к горлу не было сил. Морской переход настолько утомил её, что когда корабль ранним утром пришвартовался в грузовом порту Петрограда, ей уже было всё равно, кто и как её встретит на причале. Но женщина всегда остаётся женщиной, поэтому спустя несколько минут она нашла в себе силы привести себя в порядок. Когда, наконец, дверь её каюты открылась, то перед моряком предстала симпатичная девушка без всяких признаков усталости на лице.

Теми же путанными коридорами он вывел её на палубу к трапу, возле которого на причале стояла небольшая карета с занавешенными окнами. Вдохнув свежего воздуха полной грудью, Серафима молча спустилась по трапу, и как только она подошла к карете, дверца её распахнулась, а из глубины выглянуло довольное лицо Сержа. Печально выдохнув, с жёсткой решимостью она забралась вовнутрь.

– Ну, наконец-то, – восторженно воскликнул Серж, пытаясь её обнять и поцеловать, – Сима, я так ждал тебя!

¹³ Вахтенный матрос – Караульный у трапа который осуществляет контроль за посещением судна, неотлучно находясь у трапа и не допуская на судно посторонних лиц без разрешения вахтенного помощника капитана»

¹⁴ Вахтенный офицер – дежурный по кораблю, один из помощников капитана

– Спокойно, Серж, – резко парировала Серафима, упираясь твёрдой рукой ему в грудь, отталкивая его от себя. А оттолкнув, продолжила ледяным тоном, пристально глядя ему в глаза: – Я разве давала повод для телячьих нежностей? Если что-то и было, когда-то в прошлом между нами, то забудь! Той девочки-курсистки больше нет. Я Студентка, активный боевик, ваш соратник по партии, по борьбе и более ничего!!! Так что оставьте ваши «розовые сопли» для восторженных девиц.

Опешивший Серж откинулся на спинку скамейки, с удивлением глядя на девушку. Перед ним сидела вроде бы похожая на ту, московскую студентку, девушка, но это уже была не она. Чем он больше вглядывался, тем сильнее осознал, что перед ним сидит холодная, твёрдая, расчётливая женщина. А самое главное, что она сильнее его, внутренне и морально, которая сможет с одинаковой лёгкостью почистить яблоко и убить этим же ножом. От такого внезапного открытия по его спине пробежался лёгкий холодок неожиданного страха. Он внезапно для самого себя проникся к ней уважением, переходя на всякий случай с ней «вы»:

– Да, сильно вы изменились, Серафима Андреевна, кажется?

– Что вы, любезный Серж, никаких имён и отчеств! Только партийная кличка! А пока едем до места, расскажите, зачем я вам понадобилась!

Карета, тем временем миновав беспрепятственно въездной шлагбаум порта, катила в сторону города.

– Вы, Студентка приехали как нельзя кстати вовремя. Вы нам нужны для проведения «экса». Наша боевая группа под руководством Сорокина совместно с анархистами готовит экспроприацию государственных средств. В назначенное время, через два дня, из Петербургской портовой таможни в Казначейство повезут крупную сумму денег, что-то чуть больше полумиллиона рублей. А партии сейчас позарез нужны деньги для покупки оружия, кстати, у финнов, содержания типографии, подкупа тюремных чиновников. Наших трёх товарищей приговорили к расстрелу. Так вот, товарищ Сорокин разработал план нападения. Но для его исполнения необходима надёжная женщина-боевик. Поэтому я сразу вспомнил про вас. Все детали обговорим сегодня вечером на конспиративной квартире.

– А почему с анархистами? Мы что, сами не сможем? – удивилась девушка.

– Дело в том, что это идея анархистов. У них свой человек в Казначействе. Но для проведения «экса» у них не хватает сил, поэтому и обратились к нам за помощью. Если всё удастся, то делим 50 на 50.

– Теперь всё понятно.

Тем временем карета остановилась у четырёхэтажного доходного дома на улице Пушкинской. Выйдя из кареты, они поднялись на второй этаж. Около двери под номером 7 Серж остановился, достал ключ, открыл дверь, приглашая её войти. Серафима сделала шаг, но вдруг остановилась, разворачиваясь к Сержу лицом:

– Так, Серж, это чья квартира? Твоя?!

– Точно так, моя, – улыбнулся он в ответ.

– А во сколько встреча сегодня?

– В девять вечера.

– Дай мне, пожалуйста, ключ, – девушка протянула руку. Он послушно отдал. Взяв ключ, она, сделав шаг назад, строго произнесла, захлопывая перед его носом дверь: – Я тебе уже сказала, никаких нежностей! Забудь! Поэтому я буду жить одна!!!

Обескураженный Серж только и смог проговорить, глядя в закрытую дверь:

– Да, но как же мои вещи?

– Сегодня вечером заберёшь. Жду тебя в 19.00. Поведёшь меня в ресторан обедать! А я пока побуду одна, – донеслось из-за двери.

Мужчина чертыхнулся. Ему ничего не оставалось как удалиться восвояси. Серафима же, измученная морским переходом, приняв ванну, легла отдохнуть.

В 19:00 Серж постучал, теперь уже в свою бывшую квартиру. Дверь распахнулась. На пороге стоял его дорожный чемодан.

– Я собрала твои вещи, – сказала Клестова, выходя в коридор. – Забирай. Отправишь с извозчиком на свою новую квартиру. А теперь вези меня в ресторан, есть хочу, сто лет не была в хорошем ресторане.

Сев в карету, Серж начал было что-то говорить про сегодняшнее собрание, но Серафима его резко прервала:

– Серж! Давайте не будем говорить о работе, расскажите мне лучше, куда вы меня везёте? В какой ресторан, самый дорогой?! Надеюсь, партия хорошо платит своим боевикам?!

– О да, непременно, в самый дорогой, Серафима Андреевна! Мы едем в «Донон»! – напыщенно торжественно произнёс мужчина.

– И чем же этот ресторан знаменит? – заинтересовалась девушка.

– Во-первых, – начал восторженно Серж, – ресторан находится немного в необычном для респектабельного ресторана месте. Он расположен во дворе дома, проще сказать, в подворотне и не имеет парадного входа, как его собратья. Зато у него есть свой сад и небольшой пруд.

– Вы меня уже заинтриговали, Серж! А почему так вышло? С чем связано? – удивилась она.

– Всё началось с того, – продолжил Серж, – что в 20-х годах 19 века некий француз по имени Сен Жорж открыл в этом месте небольшую лавочку, где торговал макаронами и печёным картофелем. Дела у него шли ни шатко, ни валко¹⁵, но говорят, на жизнь хватало. А потом, в конце девятнадцатого века, француз Жан-Батист Донон выкупил у него это помещение, превратив его в небольшой ресторан. Ходят слухи, что первые клиенты этого ресторана шли не обедать, а полюбоваться на жену Донона, говорят, она была очень красива в молодости. Впрочем, и сам Донон был не дурак, его недорогие и отменные блюда плюс отличное вино, поставляемое ему из Франции, сделали его заведение очень популярным для коллективных обедов. Надо отдать ему должное, он не остановился на этом, продолжая двигаться вперёд, доведя свою кухню и сам ресторан до совершенства. Это способствовало тому, что его облюбовала интеллигентная публика. Здесь устраивают ежегодные собрания Академии наук и общества художников-передвижников. А с 90-х годов прошлого века в нём проходили и проходят так называемые «Дононовские субботы», в которых участвуют петербургские писатели. А ещё говорят, это место облюбовали модные нынче поэты-символисты: Гиппиус, Мережковский, Вячеслав Иванов.

Во-вторых, репутация «Донона» как респектабельного ресторана настолько высока, что именно здесь скрывался после побега из Петропавловской крепости мятежный князь П. А. Кропоткин. Не зная, куда ему деться до назначенного часа, он, недолго думая, приехал к «Донону» и, сняв отдельный кабинет, прогулял там до утра. Полиция искала его везде, но не могла додуматься, что он сидит в центре Петербурга в ресторане. Так что, Серафима Андреевна, мы едем с вами в надежнейшее интеллигентное место с отменной французской кухней.

– Серж, вы так распалили моё любопытство и аппетит, что я с нетерпением хочу попасть туда. И раз вы такой изысканный кулинар, то право выбора блюд я предоставляю вам. Удивите меня!

Тем временем карета остановилась на набережной реки Мойки около дома 24. Серж нисколько не преувеличил. Они, с набережной пройдя сквозь арку, оказались в уютном тенистом саду, в центре которого располагался пруд с чистейшей водой, где плавали разноцветные рыбки. Пройдя по мостику, переброшенному через пруд, молодые люди вошли в массивную парадную дверь, которую любезно распахнул перед ними швейцар в помпезной ливрее

¹⁵ «ни шатко ни валко» – дословно означает «так себе, посредственно, ни хорошо ни плохо».

и с большими бакенбардами. В общей зале, разукрашенной золотой лепниной и живыми цветами, царила необъяснимая атмосфера умиротворённости, достатка, роскоши с неповторимым ароматом дорогих духов и вина. Почти все столики были заняты разодетой публикой, которая, наслаждаясь изысканными блюдами, вела светские разговоры. Серафима даже почувствовала себя неловко. Ей показалось, что её наряд чересчур скромнен для подобного места. Но тут её внимание привлекла громкоговорящая публика за самым дальним от двери большим столом. Небрежно одетые, с раскрасневшимися лицами, они о чём-то жарко спорили, при этом не забывая опустошать рюмки и тарелки с различной снедью.

«А, – подумала она, – это, наверное, и есть те самые поэты и писатели, про которых говорил Серж. Ну, раз они могут позволить себе выглядеть небрежно и скромно, то почему я не могу этого сделать».

Возникший из ниоткуда метрдотель, расплываясь в угодливой улыбке, склоняясь в почтительном полупоклоне, произнёс:

– Приветствую вас, уважаемый Сергей Эдгарович! Ваш кабинет готов!

– Спасибо, любезный! – со светской учтивостью ответил спутник Серафимы. – Не провожай, дорогу я знаю. Пришлите мне моего гарсона¹⁶.

– Уже ждёт! – склоняясь ещё чуть ниже, ответил метрдотель.

Пока они шли по залу, Серж, наклоняясь к Серафиме, сказал:

– Прошу вас, не удивляйтесь. Здесь я известен как богатый скотопромышленник из Сызрани.

– Понятно, – улыбнулась девушка и, не удержавшись, съязвила: – «Скотопромышленник», охотящийся на жирных вельможных «скотов».

Обед превзошёл все её ожидания. Форшмак из лангуста, суп «Пьер ля Гран», нормандский соус, доньшки артишоков по-парижски, жареные перепёлки с лёгким шабли¹⁷ привели её в неописуемый восторг. На десерт подали тающую во рту шарлотку «Помпадур», мороженое и кофе. Серафима была на седьмом небе от всего происходящего вокруг. Ей вдруг показалось, что она схватила удачу за хвост.

«А революция, оказывается, дело прибыльное. Это не только стрельба да скитание по городам и весям¹⁸, но роскошная жизнь. Если она такая, революция, то я согласна».

Даже когда они покинули ресторан, добрались до конспиративной квартиры, где в накуренной полу сумрачной комнате собрались участники будущего налёта, радужное настроение не покидало её. Ей, как единственной даме, была поручена очень простая, на первый взгляд, роль. Она, после того как боевики захватят деньги, должна будет подъехать на карете к месту ограбления и после того, как туда покидают мешки с деньгами, уехать с ними на нужный адрес, где и произойдёт делёжка добычи. Её присутствие в карете обуславливалось двумя причинами. Первая – одинокая женщина в карете вызывает меньше всего подозрений. Вторая – братья-революционеры не доверяли друг другу до конца. И поэтому, чтобы избежать пропажи пары мешков денег при перевозке, было решено поручить это двум представителям, по одному от каждой из сторон. В карете сидит она, представитель большевиков, управляет каретой представитель анархистов.

После того как все детали налёта были оговорены, боевики стали по одному расходиться. Когда же Серафима начала было собираться на выход, Сорокин, суровый мужчина с твердыми губами и бараньими, как ей показалось, глазами, попросил их с Сержем задержаться. Наконец

¹⁶ Гарсон – Официант во Франции.

¹⁷ Шабли – это вино из Франции зеленоватого цвета, а именно из района Бургундия. Самое необычное в этом виде вина то, что его название не совпадает с сортом винограда – изготавливается Шабли из винограда Шардоне.

¹⁸ Веси – множественное число слова весь, это старое, ныне вышедшее из активного свободного употребления слово, значит – «селение, деревня»

они остались втроём. Сорокин закурил папиросу, жёстко посмотрел сначала на Серафиму, потом на Сержа, снова на неё:

– Так что, Серж, она действительно стоит того, что ты рассказал? – спросил он, не сводя глаз с Серафимы.

– Да, Сорокин, она стоит моей характеристики! – спокойно ответил Серж. – Сегодня утром я ещё раз в этом убедился.

– Хорошо, – отозвался он и, уже обращаясь к Серафиме, продолжил: – Так вот, Студентка, почему мы позвали именно тебя. Зная, как ты ловко застрелила начальника охраны Москвы с его помощником и как в составе «Кровавых собак» вы наказали предателя прокурора в Хельсинки, мы уверены, что ты справишься с тем заданием, которое мы тебе поручим.

Серафима молча слушала.

– Дело в том, – не дождавшись ответа, начал Сорокин, – если налёт удастся и мы получим деньги, то после раздела нашей доли нам не хватит, чтобы покрыть все срочные расходы. Поэтому, когда вы въедете во двор дома, где должна будет состояться встреча, ты позовёшь анархиста вовнутрь под любым предлогом и застрелишь его. После чего ты уйдёшь оттуда, оставив карету, её заберут наши товарищи. Вернёшься в свою квартиру, где будешь ждать от нас известий. Продолжай играть роль офицерской вдовы. Денег, сколько тебе нужно, возьмёшь из любого мешка, пока будешь ехать до места. Связь будем держать через Сержа или человека, что придёт от нас. Пароль: «Я с приветом от Сорокина». Вопросы есть?!

Клестова равнодушно пожала плечами. Задание её несколько не удивило, она даже ему обрадовалась, особенно той части, которая касалась денег.

– Мне всё понятно. Я готова. Только мне нужны патроны к моему браунингу, осталось всего восемь штук.

– Хорошо, Серж привезёт перед акцией, – ответил ей боевик.

Не дожидаясь Сержа, Серафима покинула конспиративную квартиру. И уже через час мирно почивала в своей постели. Угрызения совести больше не мучали её.

В назначенный день и час экипаж, в котором сидела Серафима, остановился на перекрёстке Фонарного и Максимилиановского переулка, на козлах которого восседал благообразного вида «кучер». Место было выбрано неслучайно, «экс» должен был произойти именно здесь. Как только карета казначейства, преодолев Фонарный мост, окажется на перекрёстке, её атакуют боевики с четырёх сторон. Волнительное ожидание достигло своего апогея, когда вдалеке, на мосту, показалась кавалькада всадников, окруживших плотным кольцом большую чёрную карету. Конвойных жандармов было много, двадцать конных, четверо на карете, да ещё пара конвойных сидела на облучке¹⁹, один управлял, второй находился рядом, и два конвоира на запятках²⁰ кареты, и это, не считая двух чиновников казначейства, сидевших внутри. Сердце девушки, наблюдавшей из-за чёрной занавески за происходящим, тревожно сдавило. Силы были явно неравны, против одиннадцати боевиков было двадцать четыре жандарма. Но Сорокин знал об этом неравенстве заранее, поэтому очень рассчитывал на эффект внезапности налёта, который будет в полдень на оживлённой улице в самом центре города.

Карета постепенно приближалась к перекрёстку. Хотя и готова была Серафима к развитию событий, но всё равно сильно вздрогнула, когда мирно идущий мимо посыльный в форме почтового ведомства, вдруг размахнувшись, с силой метнул свой портфель в сторону кареты, когда та выехала на центр перекрёстка. Под каретой полыхнуло пламя, раздался мощный взрыв, вырывая задние колёса, раскидывая по сторонам солдат, ближайших конников и прохожих на улицах. На мостовую пролилась первая кровь, истошно закричали испуганные прохожие. Следом раздалась ещё два взрыва, но уже гораздо меньшей силы. Мнимый «чиновник»,

¹⁹ Облучок – Толстая деревянная скрепа (сиденье для кучера), располагающаяся по краям телеги, повозки

²⁰ Запятки – место в задней части экипажа, где становятся или садятся слуги.

выхватив из карманов пистолеты, открыл стрельбу с обеих рук по суетящимся на перекрёстке жандармам. Она увидела, как к нему присоединились ещё несколько человек, открывая беспорядочную пальбу. Оправившись от первого шока, охрана огрызнулась ответным огнём. Видно было, как один из наездников выронил карабин из рук, получив пулю в левое плечо. Но парень оказался не из робкого десятка. Он выхватил здоровой правой рукой шашку, прищипорив коня, ринулся на боевиков. Почтового «чиновника» он сбил с ног конём, тот отлетел, словно резиновый мяч от ракетки, врезаясь головой в мостовую наотмашь, замирая без признаков жизни. Другого боевика, в одежде рабочего, что стоял недалеко от кареты Серафимы, с ходу рубанул шашкой по голове, наискосок, превращая её в кровавый сгусток. Но как только он остановился, чтобы развернуть коня, к нему подлетел ещё один террорист, одетый как городской франт, расстреливая его в упор. Жандарм обмяк, выронил шашку, вываливаясь из седла на дорогу. Раздался хлесткий звук винтовочного выстрела, «франт» дёрнулся всем телом, недоумённо посмотрел на свою грудь, где по белой сорочке быстро расплзлось кровавое пятно, падая, как подкошенный, на землю. Глаза Клестовой наполнились ужасом, кровавая бойня, развернувшаяся перед её взором, повергла её в шок. Затуманенным взором она увидела, как распахнулась дверь казначейской кареты, оттуда в клубах дыма вывалилась огромная туша сопровождающего чиновника. Подбежавший к открытой дверце боевик в соломенной шляпе всадил несколько пуль из своего браунинга в чиновника, исчезая в глубине кареты. Через мгновение изнутри стали вылетать мешки и баулы с деньгами. Автоматически Серафима отсчитала четыре мешка, два баула. Один из баулов раскрылся от удара о землю, несколько пачек с банкнотами выпали на мостовую. К карете подбежали два молодых человека в студенческих сюртуках, подхватив мешки, они побежали в сторону экипажа, притаившегося на углу Максимилиановского переулка. Из кареты вылезла «соломенная шляпа», подобрав выпавшие пачки с купюрами, и, прижимая сумки к груди, тоже побежала в её сторону. Девушка распахнула дверцу, «студенты», не глядя на неё, закинули мешки вовнутрь, вновь присоединяясь к своим товарищам, ведущим перестрелку со стражами порядка. К конвойным на подмогу стали собираться городовые со всей округи, которые рьяно включались в перестрелку. В подбегающей «соломенной шляпе» Серафима опознала никого иного, как Сержа. Он швырнул баулы к её ногам, проорал хриплым голосом благообразному анархисту, сидевшему на козлах:

– Быстро уезжай отсюда!

И тут же дёрнулся от пули, попавшей ему в спину. Из рта на грудь хлынула чёрная кровь, Серж, захлёбываясь, упал лицом вперёд, под колёса экипажа. Возникшему не нужно было повторять дважды, взметнулся к небу хлыст, опускаясь на спины лошадей. Карета дёрнулась, вздыбливая правое колесо, которое проехало по спине ничком лежащего на земле Сержа, устремляясь во весь опор от места теракта. Звякнуло, разлетаясь от попадания чьей-то пули, стекло в дверце экипажа, впиваясь крупным осколком под левую ключицу девушки. Вскрикнув от боли, она машинально выдернула стекло, чувствуя, как горячая кровь потекла по её груди. Не теряя самообладания, Серафима достала из сумочки носовой платок, прижала его к ране.

Пролетев несколько кварталов, «кучер» попридержал лошадей, переводя их на неспешную рысцу, дабы не привлекать к себе внимания. Девушка более-менее успокоилась, перевела дух, трезвое мышление постепенно возвращалось к ней. Когда экипаж прибыл к назначенному месту, она морально была готова к выполнению миссии, возложенной на неё товарищами. Карета остановилась. Было слышно, как «кучер» спрыгнул с облучка. Серафима сжала свой браунинг в правой руке, левой она продолжала прижимать к месту пореза окровавленный платок. Дверь кареты распахнулась, девушка откинулась на спинку и слабым голосом произнесла:

– Помогите мне, пожалуйста, я ранена.

Мужчина забрался вовнутрь, сел напротив неё, закрыл дверь.

– Дайте, я посмотрю, что у вас там, – произнёс он, протягивая руку к платку.

Но как только он коснулся девушки, она твёрдым голосом, поднимая пистолет на уровне пояса, глядя ему в глаза, спуская курок, произнесла:

– Простите, ничего личного. Я всего лишь выполняю задание партии.

Два выстрела из маленького пистолета прозвучали негромко. «Кучер» завалился на бок, прошепав:

– Вот же сволочь.

Она же подняла пистолет на уровень глаз, хладнокровно прицелилась ему в сердце и сделала ещё один выстрел. Мёртвое тело «кучера» сползло ей под ноги.

«Так, с этим всё, надо уходить. Но я что-то я ещё не сделала, – подумала она, оглядывая карету. Взгляд её упал на раскрытый баул. – Точно, деньги не взяла», – осенило её.

В полумраке кареты она не смогла разглядеть достоинства купюр в пачках, поэтому взяла наугад первые пять, что лежали сверху, больше в её сумочку не поместилось. Прикрыв окровавленное плечо пелериной²¹, опустив на лицо вуаль со шляпки, она, аккуратно протиснувшись мимо бездыханного тела анархиста, вылезла наружу. Карета стояла в проходном дворе. Недолго думая, девушка, повернув налево, пошла к выходу. Когда она уже почти вышла на улицу, то услышала, как сзади, во дворе, зацокали копыта лошадей. Она не стала оборачиваться, ей было безразлично, кто и куда уезжал на экипаже, который она только что покинула.

Взяв извозчика, Клестова добралась до своей съёмной квартиры. Там она обработала рану, переделась, упаковала окровавленную одежду в дорожную сумку, чтобы потом избавиться от неё, выбросив в мусорный ящик подальше от дома. Затем пересчитала деньги, что взяла из казначейского баула. Её добыча составила: пачка с трёхрублёвыми купюрами, две по десять рублей, одна по двадцать пять и самая солидная, по сто рублей. Итого ей в качестве приза досталось 14 800 рублей.

«Мне определённо нравится быть террористкой! – восторженно подумала она, лицезреая на богатство, что свалилось к ней. – Столько денег сразу не было даже у папеньки в лучшие дни».

И вновь Серафима почувствовала, как от похотливого желания загорячилось внизу живота. Не сопротивляясь своему порыву, она быстро собралась, отправляясь в популярный ресторан «У Палкина» на Невском проспекте, где главной темой разговоров в тот вечер было нападение на казначейскую карету в Фонарном переулке.

Она сидела одна. И когда к ней попросился за столик молодой пехотный подпоручик, бывший уже достаточно навеселе, то она не отказалась от его компании. Погуляв в ресторане, подпоручик повёз её в меблированные номера на Сенной площади, где «таинство интимных отношений» повторилось ровно по тому же сценарию, что было и Финляндии с Вилли. Утолив свою греховную страсть, Серафима тут же покинула гостиничный номер, где на кровати без штанов, но в мундире мирно посапывал молодой подпоручик.

На следующий день из газет она узнала, что в результате этой акции было ранено десять прохожих и жандармов. Убито пятеро налётчиков и один жандарм. Остальных же террористов, что схватили на месте или в течение нескольких часов, ждал военно-полевой суд. Она узнает позже: суд приговорит 6 участников налёта к смертной казни. Приговор приведут в исполнение на следующий день после суда.

²¹ Пелерина (фр. *pèlerine* – «странник», «пилигрим») – элемент женской и мужской одежды, преимущественно в виде безрукавной накидки или обязательно съёмного, большого, закрывающего плечи воротника.

Глава 16.

«Владислав»

«Франция»

«Оберив – Курси»

Следующая неделя после первой атаки прошла в моральном и психологическом напряжении. Немцы, раздражённые своей неудачей, открывали огонь по позициям батальона при малейшем подозрении или шуме. Несмотря на это, рота занималась укреплением позиций, уделяя особое внимание флангам. Первые пару дней Арнатский ходил мрачнее тучи, переживая смерть Глазкова, в его сознании не сразу укрепилась скоротечность жизни на войне. Казалось, вот есть человек, твой друг, и это незыблемо, на все времена, а тут раз – и нет его. Просто и страшно! Ещё эти сны, где он вновь и вновь поднимается в атаку, а ему навстречу выскакивает немецкий солдат с винтовкой наперевес, из перерезанного горла которого хлещет кровь. Солдат подбегает к нему, а Владислав вдруг с испугом понимает, что совершенно безоружен. Тогда он в панике пытается убежать, но ноги не двигаются, и ему с замирающим от ужаса сердцем остаётся только наблюдать, как блестящий штык-тесак медленно приближается к нему. Но как только штык касается его груди, он резко просыпается от ужаса неминуемой смерти.

Он поделился этим сном с Нехлюдовым, на что тот ответил:

– Увы, Владислав Семёнович, первый убитый лично вами может сниться долго. Ко мне приходил почти месяц, пока не зарубил второго, третьего и т. д. Это пройдёт, просто постарайтесь не думать об этом, отнеситесь как к неизбежной частности, как к издержкам нынешней профессии.

В конце недели прошёл первый успешный поиск, проведённый разведывательной командой полка. Дело в том, что при формировании бригады в России не предусматривались специальные полковые команды разведчиков, существовавшие во французской армии, и только теперь, во Франции, были сформированы две разведывательные команды в полках из добровольцев, по 60 человек каждая. Было очень важно, чтобы боевое крещение разведки прошло на отличном уровне, в первую очередь для собственного самоутверждения.

Зная приверженность немцев к воскресному отдыху, вылазку провели в ночь с субботы на воскресенье. Подпоручик Рудаков с командой из двадцати разведчиков скрытно подобрался к позициям германцев. Прорезав проходы в проволочных заграждениях, они ворвались в первую траншею. Забросав противника ручными гранатами, взяв двух пленных, они без потерь вернулись назад. Появление первых пленённых германских вояк в окопах сильно подняло боевой дух солдат. Противник же в бессильной злобе до утра вёл беспокоящий огонь по позициям батальона. На допросе пленные показали, что готовится новое наступление на этом участке фронта. Немецкое командование поставило задачу выбить русских с занимаемых рубежей во чтобы ни стало. Потянулись дни тревожных ожиданий.

Наступило 5 сентября. В 08:30 утра, когда офицеры ещё завтракали, начался обстрел позиций. Нисколько не смущаясь, они спокойно продолжили трапезу, зная, что унтер-офицеры, оставив в окопах только наблюдателей, остальных солдат спрячут в укрытиях. Обстрел продолжался мучительно долго, 1,5 часа. Ожидание того, что снаряд попадёт в блиндаж, изматывало морально. Казалось, проще ходить в атаку, чем просто сидеть, безропотно ждать своей участи, и поэтому, когда после прекращения обстрела тревожно засвистели свистки унтер-офицеров, возвещающие о начале неприятельской атаки, Арнатский с радостью выскочил из блиндажа в окоп. Заняв своё место согласно боевому распорядку, он осмотрелся. Густая шеренга германских солдат двигалась по нейтральной полосе под огнём французской артилле-

рии, неся большой урон, который, впрочем, их не останавливал. По окопу по цепи пронеслась команда командира роты:

– Стрельба по противнику пачками!²² – подпоручик прильнул к прикладу своей винтовки. – Огонь!!!

Раздался длинный свисток, а затем дружный гулкий залп, заработали пулемёты. Не выдержав плотного огня, немцы залегли, стали пятиться назад. Но тут в дело подключились тяжёлые пушки противника, пытаясь подавить огневые точки французов, завязалась артиллерийская дуэль. Воспользовавшись этим, немецкие цепи вновь устремились к позиции первой роты. И вот уже штурмовые колонны, преодолев проволочное заграждение, готовы ворваться в окопы, как вдруг справа и слева с криками: «Вот мы, русские!» – солдаты второй и третьей роты кинулись в штыковую атаку на помощь своим товарищам. Не ожидающие такого удара, немцы остановились, а затем и вовсе побежали обратно, теряя убитых и раненых. Отказавшись от преследования, солдаты вернулись в окопы. Это было сделано вовремя, так как полковая артиллерия немцев открыла огонь по позициям русских, вновь пытаясь нанести урон проволочным заграждениям, окопам, и подавить пулемётные точки, заставляя искать укрытие от смертоносных осколков.

Через десять минут всё стихло и в наступившей тишине раздался истошный крик: «Германцы рядом!!!» Выглянув за бруствер, Владислав оторопел: немцы находились буквально в 50 метрах от окопа. Воспользовавшись барражным огнём²³ своей артиллерии, немцы приблизились к русским окопам почти вплотную. И как только пушки смолкли, они молча кинулись в атаку. Навстречу им захлопали разрозненные выстрелы, с правого фланга застучал, но тут же захлебнулся пулемёт. Вместо пулемётной позиции слева от подпоручика в метрах двадцати дымилась воронка, прямое попадание.

«Надо достать резервный пулемёт, – мелькнула мысль в голове офицера, – он рядом, в блиндаже, иначе сомнут нас».

– Карабаев, со мной, – скомандовал он ближайшему к нему солдату, бросаясь к пулемётной позиции.

Он не успел пробежать и десяти метров по окопу, как над головой раздался громкий клич немецкой пехоты: «Гох!» На бруствер окопа выскочило пять солдат противника в стальных рогатых касках, похожих на перевёрнутые кастрюли. Рядом раздался выстрел, один из атакующих дёрнулся всем телом, запрокидываясь на спину.

– Держись, вашбродь! Сейчас мы их встретим штыками! – крикнул взявшийся из ниоткуда, как показалось Арнатскому, солдат, занимая место рядом с офицером, выставя штык своей винтовки вперёд.

Идущий следом за ним Карабаев, замешкавшись от неожиданности, споткнулся, падая на дно окопа. Пока он пытался встать на ноги, в траншею прыгнул немецкий солдат, с размаху всаживая ему в спину штык-тесак, который застрял между позвонков и никак не хотел выходить из тела, несмотря на все усилия. Это всё долей секунды пронеслось перед глазами Владислава, потому что его внимание было приковано к германскому солдату, что ринулся на него вниз с бруствера. Но сегодня повзрослевший юноша был морально готов к схватке, отклонившись от удара противника, он, словно крестьянин на сенокосе, что поддевает вилами сноп сена, так же поддел штыком снизу-вверх тело врага и, поднатужившись, оторвав от земли, бросил справа от себя на дно окопа. Получилось очень удачно, потому что тело пронзённого штыком, падая, подмяло под себя того, что, заколов Карабаева, справился, наконец, с винтовкой, выдернув её из трупa. Германец от неожиданности завизжал, пытаясь выбраться из-

²² «Стрельба пачками» – это команда режима огня максимально большой плотности,

²³ Барражный огонь – представлял по своей сути заградительный огонь, с той лишь разницей, что его использовали внезапно на участках, удобных для наступления.

под навалившегося на него убитого сотоварища. Не теряя времени, Владислав ринулся вперёд, заноса винтовку для атаки, не раздумывая нанёс колющий удар в перекошенное от страха лицо противника. Штык, пройдя сквозь глаз, застрял в черепе. Не успел он выдернуть штык, как тупой удар в спину опрокинул его навзничь.

«Всё, конец, сейчас добьёт штыком! Сима, прости!» – только и успел подумать он, внутренне сжимаясь, готовясь к смертельному удару.

– Вашбродь, жив?! Встать сможешь?! – раздалось над ним.

Он открыл глаза, повернулся. Над ним склонилось знакомое лицо солдата:

– Ильин?! – радостно воскликнул он. – Да жив я, жив! Спасибо тебе! – продолжил Арнатский, понимаясь на ноги.

– Ну, слава богу! Думал, не успею, – и, пнув ногой труп немецкого солдата с раскроенной головой, добавил: – Он уже штык опускал на вас, а я ударил наудачу. А теперь, вашбродь, нашим надо помочь.

– Нет, Ильин, за мной! Нам бы вон к тому укрытию пробиться, там есть пулемёт, надо его установить, – и, выхватив из кобуры свой пистолет, двинулся по дну траншеи. Солдат последовал за ним.

Быстро преодолев оставшиеся метры, подпоручик нырнул в блиндаж. Там шла драка не на жизнь, а на смерть, трём германским солдатам противостояли двое наших. Так как пространство было небольшим и не позволяло применить винтовки, дрались голыми руками. Недолго думая, Владислав несколькими выстрелами из револьвера уложил на пол двух вражеских солдат. Третьего, оглоушив, связали общими усилиями.

– Ильин, хватайте пулемёт, патроны и за мной, – скомандовал Арнатский, выбегая наружу.

В траншее шла рукопашная бойня, сопровождаемая криками, предсмертными стонами.

– Пулемёт поставим вот там, в воронке, – указал он рукой появившимся следом за ним в окопе солдатам.

Пулемёт установили в считанные секунды. Отстранив солдат, Владислав сам сел на место наводчика:

– Ильин, подавай ленты, а вы, – обратился он к солдатам, – сделайте так, чтобы к нам никто не приблизился.

Зарядив ленту, Владислав взглянул на поле перед окопами сквозь прорезь прицела. Несмотря на плотный огонь соседей, 2 и 3 рот, немцы, стараясь упрочить свой прорыв, стремились к позиции первой роты, которая дралась уже в своих окопах. Прицелившись, Владислав нажал гашетку²⁴. Равнодушно-спокойно застучал пулемёт, выпуская десятки пуль в сторону врага. Как опытная швея ведёт нитку по шву, так и он аккуратной строчкой вёл огонь, отсекая атакующие цепи от своих окопов. Вражеские солдаты падали как подкошенные, не доходя до русских окопов буквально трёх метров, Ильин только успевал менять ленты. Ствол пулемёта быстро нагрелся, из-под кожуха стал вырываться пар.

– Ильин, срочно нужна вода! – закричал подпоручик. – Иначе мы сейчас заглохнем.

Солдат убежал. Тем временем лента закончилась, а кипящая в кожухе вода уже стала выплёскиваться бурлящими пузырями наружу. Во избежание окончательного перегрева ствола пришлось спустить кипяток на землю. Тем временем, воспользовавшись паузой, немецкие войска попытались возобновить атаку, но им навстречу понеслось громогласное «УРА!». Это подошедшие из резерва две роты, 14 и 15, перешли в контратаку, поддерживаемые с флангов второй и третьей. Вновь завязалась рукопашная схватка на нейтральной полосе. Немцы, в который раз не выдержав штыкового удара русских, отступили. И сразу же в дело включи-

²⁴ Гашетка – Устройство для приведения в действие спускового механизма огнестрельного оружия (обычно автоматического).

лись пушки с обеих сторон, вновь завязалась артиллерийская дуэль, которая закончилась через некоторое время победой французских канониров.

Тем временем Ильин принёс воды. Пулемёт, дабы его не повредило осколком, спустили на дно воронки, заправили водой, зарядили лентой. Закурили.

– Ох и ловко же вы стреляете, вашбродь. Немца накосили уйму, – сказал, довольно затягиваясь папиросой, Ильин.

Арнатский ничего не успел ответить, потому что перед ними возник командир батальона Ивановец.

– Кто был за пулемётом? Кто, я спрашиваю?! – взволнованно вскричал он.

Ильин подскочил, вытягиваясь в струнку, приложил руку к фуражке:

– Дак вот, господин подпоручик, – несмело ответил он, указывая на медленно поднимающегося офицера.

– Голубчик вы мой, Владислав Семёнович! – восторженно вскричал Ивановец, заключая Арнатского в объятия. – Да вы наш спаситель! Как вовремя, как вовремя! Если бы не вы, смяли бы нас германцы, как есть смяли бы. Молодец! К Станиславу²⁵ представлю вас, подпоручик, – выпуская его из своих рук, добавил подполковник.

Оторопевший от такого проявления чувств, как ему казалось, бесчувственного человека, Владислав только и смог произнести:

– Благодарю вас, господин подполковник. Но только я не один был, мне солдаты помогали.

– И солдат тоже представим к медалям. Подайте список по команде. И вот что ещё, голубчик, возьмите временно под командование пулемётную полуроту, у вас отлично получается. Кажется, мне, что этим сегодня не закончится день.

– Позвольте, а как же прапорщик Фёдоров?

– Прапорщик Фёдоров погиб, к сожалению. Так что принимайте полуроту. Шалтурину я сообщу. Дополнительные пулемётные расчёты с вооружением пришлю через полчаса. Честь имею! – Ивановец приложил руку к козырьку фуражки. – И ещё раз спасибо вам, подпоручик, от всего батальона!

Когда командир батальона ушёл, Арнатский отряхнулся от пыли, приводя себя в порядок.

– Ильин, – обратился он к солдату, – с пулемётом справишься без меня?

– Так точно, вашбродь, – ответил бодро солдат.

– Хорошо, – продолжил офицер. – Пока тихо, пойду, проверю остальные точки, ты же бери себе в помощники этих двух, что из блиндажа. Пусть медали до конца отрабатывают. Если атака начнётся в моё отсутствие, не торопись, жди общей команды и тогда открывай огонь. Твоя задача не пустить врага к траншеям. Справишься?

– Постараюсь, вашбродь!

– Вот и славно. А я проверю и вернусь.

Оставив Ильина у пулемёта, подпоручик двинулся в сторону командного пункта (КП) роты. Тем временем солдаты под руководством унтер-офицеров расчищали траншею от трупов немецких солдат, собирали своих погибших, восстанавливали повреждённые участки, пополняли боезапас, чистили оружие. Войдя на КП, он увидел стоящего спиной к выходу командира роты, который по телефону докладывал кому-то обстановку, и мрачного, в запylённом кителе, Нехлюдова, что молча курил, уставившись бездумным взглядом в стену блиндажа. Не говоря ни слова, Владислав подошёл к поручику, толкнул его в плечо. Тот безучастно повернул голову,

²⁵ Орден Святого Станислава (три степени) – орден Российской империи с 1831 до 1917 года. Самый младший по старшинству в иерархии государственных наград. Девиз ордена – «Praemiando incitat» («Награждая, поощряет»).

посмотрел на руку, толкнувшую его, и только потом поднял взгляд. В его пустых глазах появилась вдумчивость, он постепенно узнавал стоящего перед ним человека:

– Владислав! Живой! Как я рад!!! – вскричал он, заключая его в объятия. – А нам доложили, что ты или погиб, или в плен утащили. Видели, как ты во время рукопашной упал, получив удар сзади.

На крики Нехлюдова обернулся Шалтурин:

– Арнатский?! Жив?! – и тут же добавил уже в трубку телефона: – Жив подпоручик, господин полковник, жив! Сейчас сам явился на КП.

Тем временем Нехлюдов продолжал сыпать вопросами:

– Ну давай, рассказывай! Что произошло? Почему же нам сказали, что ты погиб?!

– Право, я не знаю Аркадий Тимофеевич, что сказать. Да, драка в окопе была, пять германцев на нас накинлось, но мы их как-то смогли уложить. Правда, солдат погиб, да и мне досталось по спине прикладом. Думал, конец, но рядовой Ильин выручил. Потом на левый фланг побежал, к пулемёту. Вот, собственно, и всё. А что и как кто увидел, тут уж я не знаю.

– Так это вы немцев огнём отсекли от наших окопов? – задал вопрос Шалтурин.

– Выходит, что я, – смущённо пожал плечами Владислав, – правда, не один, а с солдатами.

– Голубчик вы мой, – теперь уже командир роты обнял его, – так вы же спасли нашу роту от гибели. Буду ходатайствовать о награждении вас.

– Благодарю вас, Борис Михайлович, но командир батальона, лично прибыв на позицию, сказал именно то же самое. Кстати, он ещё сказал, что сообщит обо всём вам лично и что я временно назначаюсь командиром пулемётной полуроты вместо погибшего Григория Григорьевича. Это правда?! Как он погиб?!

В это время за спиной у командира зазвонил полевой телефон. Шалтурин поднял трубку, послушал и, зажав рукой микрофон, сказал:

– А вот и Ивановец.

Владислав повернулся к Нехлюдову. Тот, понимая его молчаливый вопрос, сказал:

– Прямое попадание снарядом в окоп. Ничего не осталось.

Тем временем Шалтурин, закончив разговор, обратился к подпоручику:

– Владислав Семёнович, Ивановец всё подтвердил, так что вы сейчас командуете пулемётами. Ещё подполковник сказал, что отправил три пулемётных расчёта из резерва в наше распоряжение. Не думаю, чтобы немцы на сегодня не успокоились, надо готовиться к отражению новых атак. Будем живы, отметим сегодня ваше спасение и помянем Федотова. А сейчас по местам, господа.

Прибывшие расчёты Арнатский постарался расставить так, чтобы их огонь полностью перекрывал линию обороны роты от фланга до фланга. Но не успели освоиться на новом месте пулемётчики, как немцы начали новую артподготовку. В течение получаса противник старался перемешать с землёй неуступчивую роту, пытаясь максимально облегчить атаку своим войскам. На этот раз немцы поменяли тактику, решив обмануть наших солдат. Пока пушки «обрабатывали» наши траншеи, они, воспользовавшись попутным ветром, применили новое средство, дымообразующие вещества. И когда артподготовка закончилась, перед нашими позициями повисла белая непроницаемая стена. Под прикрытием дымовой завесы, несмотря на беспокоящий, но неприцельный огонь наших солдат, противник подобрался на расстояние броска ручной гранаты и начал засыпать ими наши позиции. В рядах солдат возникла лёгкая паника. Не видя врага, они несли урон. Беспорядочная стрельба усиливалась, смятение всё больше и больше охватывало людей, напряжение нарастало. Выручил командир роты. Оставив КП, он выскочил в траншею:

– Рота!!! – зычно прозвучал его голос. – Ручными гранатами, в ответ, огонь!

В редеющую стену дыма полетели гранаты, раздались взрывы и чей-то звериный вопль.

– Вот! – закричали приободрившиеся солдаты. – В самое «мясо» немчуре угодили!

Внезапно из дымовой завесы выскочили вражеские цепи и ринулись вперёд, стремительно сокращая расстояние. Лихорадочно затрещали пулемёты, но немцев это уже не могло остановить. Тогда внезапно, молча, в едином порыве, без команды, солдаты кинулись в контратаку. На бруствере вновь завертелась круговороть рукопашной схватки. Пулемёты, чтобы не задеть своих, замолчали, только на фланговые продолжали стрелять, стараясь не допустить подхода новых штурмующих колонн к нашим позициям.

Внезапно замолчал пулемёт Ильина. Не раздумывая, Владислав побежал туда, готовясь к самому худшему, но, подбежав, увидел, что солдаты, живые и невредимые, копошатся вокруг пулемёта:

– Какого чёрта вы не стреляете! – заорал он, кидаясь к ним.

– Да вот, что-то заклинило, – с досадой ответил Ильин.

Бесцеремонно оттолкнув солдата, Арнатский быстро осмотрел оружие. Его упорная подготовка в учебном лагере сослужила добрую службу:

– Что тут понимать! – крикнул он. – Перекос патрона в жёсткой ленте.

На устранение неполадки он потратил чуть больше минуты. Снарядив новую ленту, Владислав открыл огонь по врагу, правда, через пару минут его пришлось прекратить, так как на выручку им опять пришли роты из резерва, которые, смяв противника штыковым ударом, погнали его назад. Ворвавшись в первую неприятельскую траншею «на плечах отступающего врага», наши солдаты, порушив, насколько позволяло время и средства, укрепления, захватив несколько пленных, найденные документы, образцы дымовых гранат, благополучно вернулись в свои окопы, ещё до того, как противник оправился и открыл огонь им вслед.

Довольный исходом отражённой атаки, Владислав, пожурив солдат за нерасторопность, отправился с докладом к командиру роты. Но не успел он сделать и пяти шагов, как сзади, влетая в окоп, гроыхнул немецкий снаряд, разбрызгивая смертоносные осколки. Взрывная волна махом сбила офицера с ног, лишая его чувств.

Сознание медленно возвращалось к Арнатскому с шумом в ушах и звоном в голове. Он открыл глаза: висящая под белым потолком электрическая лампочка резанула по глазам ярким светом, вызывая резкую головную боль. Застонав от боли, Владислав, закрыв глаза, проговорил:

– Что так ярко она горит?! – и поразился тому, что слова донеслись до него, слово через вату, добавил: – Что со мной? Где я?

– Всё нормально, Владислав Семёнович. Вы у меня в полевом госпитале, местечко Сен – Прим, – услышал он сквозь шум в ушах голос Рутеборга, – вас контузило слегка, да ещё пара синяков с царапинами. Так что легко отделались.

– Что с пулемётом?

– А вот с пулемётом хуже. Прямое попадание снарядом, пулемёт вдребезги, солдаты в клочья, к сожалению.

– Жаль, – устало произнёс Владислав. – Надо всё равно их к медалям представить. Пусть в России родным вручат.

– Сделаем всё, не переживайте, – отвечал в тон ему подполковник, – выто как себя чувствуете?

– Нормально. Только устал сильно, да в голове шумит.

– А мы сейчас вам порошков целебных дадим, и вы поспите. Через пару дней будете как новенький. Контузия лёгкая, вы молодой и здоровый, быстро поправитесь.

Врач помог принять лекарство Владиславу, тот через некоторое время уснул.

Рутеборг оказался прав в своих прогнозах, через три дня Арнатский вернулся в расположение своей роты. За время отсутствия его должность командира пулемётной роты занял вновь назначенный из резерва полка прапорщик Баскаков Алексей Николаевич, крепкого сложения мужчина 35 лет, коренной москвич, призванный из запаса, работавший до призыва на одном

из московских заводов техническим инженером. Так как Баскаков со своими обязанностями справлялся неплохо, то Шалтурин не стал проводить ротацию, оставляя Арнатского в прежней должности «младшего офицера роты».

Тем временем немецкое командование, не смирившись с неудачным штурмом 16 июля, предприняло ещё одну попытку разгромить русские войска, предавая этому моменту политическое значение. 28 июля ими была организована газовая атака с применением хлора.

Воспользовавшись ветром, что дул в сторону наших окопов, немцы открыли баллоны. Жёлто-зелёное облако поползло в сторону наших позиций. Услышав команду «Газы!», все поспешили надеть противодымные маски. К слову сказать, русская бригада была отлично укомплектована ими, на каждого военнослужащего, помимо личного противогаза, имелся ещё и запасной.

С замиранием сердца Владислав смотрел, как облако хлора медленно приближалось к позиции. Внутреннее напряжение, перемежаемое со страхом и сомнением, нарастало как снежный ком. Одно дело, когда ты на тренировке, другое, когда всё происходит в реальной боевой обстановке, а «сидящий внутри тебя червячок недоверия» к защитной маске, подтачивает тебя изнутри всё сильнее и сильнее. Вот облако уже надвигается на бруствер, ещё немного – и сползает в окоп. Арнатский в страхе закрыл глаза. Минута, другая, ничего странного с ним не происходит. Он осторожно приоткрыл глаза: вокруг висела жёлтая пелена, солдаты в противогазах, сидящие вокруг на приступке²⁶ траншеи, были похожи на неземных существ с большими стеклянными глазами. Было видно, что многим из них было страшно так же, как и ему. Они взволнованно и глубоко дышали. Пелена становилась всё гуще. Внезапно один из солдат закашлялся, его дыхание стало судорожным, он в панике стал метаться по траншее, наводя ужас на своих сотоварищей. Обезумев окончательно солдат, сорвал с себя противогаз и полез из траншеи вон в надежде глотнуть свежего воздуха наверху, но как только сделал первый вдох, лёгкие моментально захлебнулись ядовитым газом. Его тело, скатившись на дно окопа, забилось в конвульсиях. Зрелище было пугающим. Лицо умирающего стало глянцевого серо-чёрного цвета, из открытого рта шла пена, перемешиваясь с зелёной блевотиной, глаза покрылись свинцовой глазурью, зрачки бешено крутились по орбите. Солдат пытался кричать, раздирая обмундирование на груди, но из гортани вырывался только хрип. Воздействие газа заключается в заполнении лёгких водянистой слизистой жидкостью, которая постепенно заполняет всё пространство, из-за этого происходит удушье. Глядя на эту ужасающую картину, некоторые солдаты в панике бросали свои винтовки, пытались вылезти из окопа, стоило больших усилий удержать их в траншее. Тем временем солдат затих на дне окопа в нелепой позе. Появившиеся санитары положили его на носилки, прикрыв куском брезента, и перед тем как унести труп вглубь наших позиций, один из санитаров, приблизившись к подпоручику, прокричал:

– Скажите, чтобы не бегали и сильно не дышали, газ всё-таки проникает под маску.

Страшная гибель несчастного человека оказала гнетущее впечатление. Надо было срочно что-то предпринять, так как прохождение газового облака через позицию в теории могло занять от одного часа до полутора, и не исключено было, что кто-то может запаниковать опять. Тут Вячеслав вспомнил, что на занятиях в учебном лагере один из французских химиков-офицеров говорил, что горячий воздух от костров и жаровен с тлеющим углём снижает вредное влияние хлора, дезактивируя его опасные свойства. Подпоручик обвёл взглядом сидящих вокруг, увидев унтер-офицера, в маске невозможно было разобрать, кого именно, подошёл к нему и, приблизившись в упор к его лицу, прокричал через маску:

– Пусть тащат дрова из блиндажей наружу. Надо срочно разжечь костры на дне окопа, горячий воздух нейтрализует газ. Только не бегайте, при сильном вдохе газ может просачиваться через фильтр.

²⁶ Приступок – Ступенька, подножка, небольшое возвышение, по которому всходят куда-нибудь.

Унтер понимающе кивнул. Вскоре на дне окопов запылали костры. Французский химик оказался прав, было видно, как, попав в горячий поток воздуха, хлор растворялся в воздухе, образуя вокруг костра свободное от газа пространство. Все сгрудилось вокруг спасительного пламени.

Шло время, газ потихоньку улетучивался, казалось, ещё немного – и можно будет снять маски. Внезапно с наблюдательных постов (НП) раздались сигналы тревоги, звонкие удары по куску рельсы, что были подвешены к потолку укрытий. Это могло означать только одно: немцы начали атаку. И действительно, когда Арнатский выглянул за бруствер, увидел противника, что, надев противогазы, шёл в атаку. Но не это поразило офицера, его поразило то, что по пути движения газов было уничтожено всё живое, листья на деревьях пожелтели, свернулись и опали, трава, почернев, легла на землю, лепестки цветов облетели.

Немцы, надеясь на неподготовленность русских войск к химической атаке, как это бывало не раз на Восточном фронте, рассчитывали легко захватить наши позиции, где не останется боеспособных солдат. Но они просчитались. Несмотря на обилие газа, выпущенного в сторону русских, потери среди наших солдат были невелики, 6 погибших и 32 человека, отравившихся в той или иной степени тяжести. Поэтому, встретив плотный огонь, немецкие войска отошли на свои позиции несолоно хлебавши²⁷. Планам германского командования о быстром разгроме русской бригады не суждено было сбыться.

Но с последствиями газовой атаки пришлось сталкиваться на каждом шагу. Все медные предметы на участке применения хлора – это части орудий, снарядов, умывальники, баки и прочее имущество покрылись толстым зелёным слоем окиси хлора. Предметы продовольствия, хранящиеся без герметической укупорки: мясо, масло, сало, овощи – оказались отравленными и непригодными для употребления.

Через два дня пришёл приказ, в котором говорилось, что первый батальон снимается с позиций и отводится в тыл для доукомплектования, отдыха и обучения. А его место занимает 14 батальон из резерва. Эта новость была радостно встречена не только солдатами, но и офицерами. Батальон разместили в местечке Маргуазы, пополнили личным составом из резерва. Владиславу неожиданно поступило предложение возглавить отдельную разведывательную команду. Прапорщик Рудаков был тяжело ранен, и нужно было срочно его заменить. Поэтому выбор командования пал на Арнатского как на смелого офицера, не теряющегося в боевой обстановке. А пока все наслаждались выпавшей им передышкой. В Маргуазах, помимо всего прочего, расположился «Модный дом госпожи Жаклин», где многочисленный «персонал» состоял из хорошеньких барышень, которые кроме как оказания интимных услуг военным больше ничем не занимались. Проще говоря, это был прифронтовой бордель. Естественно, что офицеры, особенно молодые, не преминули²⁸ стать частыми гостями этого заведения, соря деньгами направо и налево. Некоторые так увлекались, что спускали свои деньги моментально. Так, например, подпоручик Клязменский, вернувшись на второй день, войдя в комнату офицерского собрания, попросил взаймы денег у своего командира на покупку папирос.

– Помилуйте, подпоручик! – воскликнул штабс-капитан. – Вы же третьего дня получили месячное жалование! И что, всё спустили за два дня?!

– Ну, понимаете, – под общий смех офицеров промямлил подпоручик, – Жанна была так хороша и аппетитна, а потом Люсьена и Зизи... что я пуст, как полковой барабан.

Арнатский, поддавшись было всеобщему настроению отдыха и кутежа, обмывая свой первый полученный орден «Станислава 4-й степени» За храбрость», быстро остыл к этому времяпрепровождению, с головой окунаясь в новое для себя дело – разведку. Будучи челове-

²⁷ Не солоно хлебавши – Ничего не добившись, обманувшись в своих ожиданиях.

²⁸ Не преминуть – Не пройти мимо чего-либо, не упустить возможность сделать что-либо

ком увлекающимся, он сумел увлечь и своих новых подчинённых. Прибывшие инструктора учили, как приспособиться к местности, стать невидимым. Под их руководством оживали пеньки деревьев, камни, двигались кусты и бугорки. Небольшие возвышения вдруг становились наблюдательными пунктами, дозорными постами. Разведчиков знакомили с устройством германских укреплений, системой патрулирования и организации наблюдения.

Через три недели батальон вернулся на позиции, сменив второй, который тоже отвели в тыл для доукомплектования и отдыха. Владислав же со своей командой расположился теперь во второй линии обороны, где им было выделено отдельное от остальных укрытие и отдельный офицерский блиндаж, где он разместился вместе с прапорщиком Сваткиным Степаном Тимофеевичем, который служил в разведке с самого её основания. Офицер он был требовательный, но вместе с тем очень вежливый и благожелательно просто относившийся к своим подчинённым.

После неудачных попыток разбить русские войска немцы перешли к позиционной войне, где предполагались рейды охотников, ночные поиски, уничтожение постов, огневых точек, минная и контрминная война. Поэтому главная роль в таких условиях отводилась разведкомандам.

Вскоре Арнатский получил своё первое самостоятельное задание, произвести «разведывательный рейд с целью уточнения диспозиции войск неприятеля». Проще говоря, произвести разведку с целью захвата пленных или добычи сведений о противнике находящихся на этом участке фронта.

После некоторых раздумий, посоветовавшись со Сваткиным, им было принято решение о скрытном выдвижении ко вражеским позициям двух постов наблюдения для выяснения уязвимого места в линии обороны. Двое суток солдаты пролежали неподвижно в нескольких метрах от германских окопов, вслушиваясь и вглядываясь в окружающую обстановку. Наконец, разведчики вернулись в расположение команды. Рядовой Молчунов, он тоже пошёл добровольцем в разведчики вслед за Арнатским, доложил, тыкая в карту грязным пальцем:

– Вот туточки, вашбродь, сильно укреплено, германских солдат там много, а вот туточки, – палец пополз влево, – идут работы земляные. Там только рабочая команда да охраны несколько человек. К ночи все уходят и остаётся человек пять-шесть солдат.

– Значит, – попытожил Владислав, – этот участок самый слабый в данный момент?! Тогда вылазку мы будем проводить здесь. Хорошо, Молчунов, идите, отдыхайте и к 12 ночи подбери мне человек 20 охотников для вылазки.

– Есть, вашбродь, – откозырял солдат, удаляясь из блиндажа.

– Вы что, сами собрались идти, Владислав Семёнович? – подал голос Сваткин.

– Да, Степан Тимофеевич, сам. А вы останетесь здесь на «хозяйстве».

– А может, всё-таки я схожу?

– Нет, уважаемый Степан Тимофеевич. Вы не обижайтесь и поймите правильно. Вы опытнее меня и сможете, возможно, лучше меня провести эту вылазку, но я должен это сделать сам. Солдаты должны видеть, что их командир не только может говорить, но и делать. Это нужно мне, в первую очередь, для самоутверждения и в своих глазах в том числе.

– Как знаете, вы командир, вам решать, – понимающе ответил прапорщик.

В суете подготовки прошла первая половина дня. После обеда команда охотников легла спать.

В волнении от предстоящей операции Владиславу не спалось. Поворочавшись на своей походной кровати, он встал, вышел в окоп. Вечерело, с нейтральной полосы тянуло свежим ветром. Юноша закурил. Поддаваясь безотчётному чувству, он полез в карман, доставая на свет лиловую коробочку, на крышке которой рисовался безобразный след от немецкого штыка. Поднял крышку, слабо блеснуло маленьким бриллиантом в наступающем полумраке кольцо. Ему вспомнилось, как долго он искал тогда в Москве это кольцо. Как, отчаявшись уже купить

хоть что-то приличное за ту сумму, что у него была, он случайно зашёл в ювелирную лавку на Подъяческой улице. В лавке старый еврей с длинными седыми пейсами, свисающими из-под традиционной ермолки²⁹

²⁹ Ермолка, кипа или кипá – традиционный еврейский мужской головной убор. Представляет собой маленькую круглую (вязаную или сшитую из ткани) шапочку, прикрывающую макушку. Может носиться отдельно или под верхней шляпой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.